

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

СЕРИЯ ФИЛОСОФИЯ

Ю. А. Замошкин
ОТНОШЕНИЕ
К НАУКЕ И ТЕХНИКЕ
В СОВРЕМЕННОМ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

10/1976

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Серия «Философия»
№ 10, 1976 г.
Издается ежемесячно с 1960 г.

Ю. А. Замошкин,

доктор философских наук

ОТНОШЕНИЕ
К НАУКЕ
И ТЕХНИКЕ
В СОВРЕМЕННОМ
КАПИТАЛИСТИ-
ЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

(Опыт социальной типологии)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва 1976

Замошкин Ю. А.

3-26 Отношение к науке и технике в современном капиталистическом обществе (Опыт социальной типологии). М., «Знание», 1976.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия», 10. Издается ежемесячно с 1960 г.)

На основе теоретико-методологических принципов марксистско-ленинского анализа автор раскрывает социальные корни двух типов отношения к науке и технике, наиболее распространенных в капиталистическом обществе—техницистско-сциентистского и антитехницистского (антисциентистского). В брошюре дается дифференцированный анализ позиций тех классов и социальных групп, которые в той или иной мере разделяют идеи, ценности, идеалы, общие для данных типов сознания. Рассматриваются изменения, модификации этих идей, их кризис, происходящий в 60—70-е годы под влиянием обострения противоречий современного капитализма.

10506

1ФБ

На протяжении послевоенных десятилетий научно-техническая революция стала одной из важнейших социальных проблем современного общества. В условиях капитализма вопрос о последствиях, перспективах ускоренного развития науки и техники стоит очень остро, что обусловлено противоречиями между требованиями научно-технического прогресса, усилением борьбы трудящихся за свои права, с одной стороны, и капиталистическими общественными отношениями — с другой.

Вполне понятен интерес ученых-марксистов как к исследованию этих объективных противоречий, так и процессов и изменений, которые возникают в сознании людей, в идеологии буржуазного общества в связи с научно-технической революцией. В работах, написанных советскими учеными и марксистами других стран, показано, что в пестрой чересполосице идей, оценок, ожиданий, характерных для буржуазного сознания, выделяются две основные тенденции. Первая связана с оптимистическим в целом представлением о роли науки и техники в обществе и жизни индивида. Науке и технике отводится не просто важная, но решающая роль в общественном развитии, в разрешении всех основных социальных противоречий и конфликтов. Представители второй тенденции, напротив, изображают науку и технику «чуждым злом», пессимистически оценивают воздействие научно-технического прогресса на развитие современного и будущего общества.

Первая тенденция в литературе получила название сциентистской и техницистско-технократической, вторая соответственно была названа антисциентистской и антитехницистской, антитехнократической. В этой связи следует сделать некоторые терминологические уточнения. Во-первых, в данной брошюре первая тенденция называется техницистско-сциентистской. Объединение этих терминов вызвано тем, что научно-техническая революция поставила процесс создания и усовершенствования новой техники в зависимость от развития научного знания. И наоборот, достижение новых ре-

результатов во многих научных дисциплинах зависит от создания и применения современных технических средств. Поэтому при осмыслении проблем научно-технической революции речь идет, как правило, о технике и науке, взятых в единстве и взаимодействии. Техницистско-сциентистское сознание абсолютизирует одновременно и роль науки и техники.

Во-вторых, давая общее обозначение данной тенденции, мы не всегда употребляем понятие «технократия». При этом мы исходим из того, что по лингвистическому смыслу понятие «технократия» означает концентрацию политической власти в руках специалистов в области техники. В данной работе «технократия» рассматривается как особая разновидность «техницизма». Соответственно противоположную тенденцию в сознании, фиксирующую враждебное отношение к технике и науке, мы будем обозначать как «антитехницистскую» и «антисциентистскую».

Обе тенденции стали предметом обстоятельного критического анализа в советской литературе. Последовательно, подробно и глубоко, с принципиальных марксистско-ленинских позиций подвергнуты критике философские идеи и концепции, при помощи которых обосновываются сциентизм и антисциентизм¹. В последние годы в ряде работ названные тенденции буржуазного сознания также были серьезно исследованы с точки зрения их общемировоззренческого содержания² и социального значения³.

В предлагаемой брошюре автор касается двух вопросов, которые еще требуют своего решения. Во-первых, буржуазное сознание, поскольку оно оценивает и осмысливает научно-технический прогресс, должно быть критически проанализировано во всем многообразии тенденций, форм, идейных выражений. Во-вторых, при анализе каждой из тенденций, а также разнообразных форм

¹ См. по этому вопросу: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972.

² См.: В. С. Швырев, Э. Г. Юдин. Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1973.

³ См.: Т. И. Ойзерман. Исторический материализм и идеология «технического пессимизма». М., 1976; Научно-техническая революция и социальный прогресс, М., 1973.

их выражения необходимо более дифференцированно выявить их социально-классовую природу. Речь идет о том, чтобы соотнести соответствующие идеи, ценности, идеалы прежде всего с объективным положением классов и групп в системе разделения труда современного капиталистического общества, с особенностями их деятельности, а также с разнообразными социально-психологическими характеристиками этих классов и групп. Это и есть вопрос о социальной типологии упомянутых тенденций сознания.

Обе тенденции рассматриваются автором в их исторической динамике: специально анализируются изменения, происшедшие в конце 60-х и в 70-е годы.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И БОРЬБА ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Органическое соединение преимуществ социализма и достижений научно-технического прогресса — одна из важнейших закономерностей развития нашего социалистического общества. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев сказал: «Первоочередной задачей остается ускорение научно-технического прогресса. Его значение, как вы помните, со всей силой подчеркнул XXIV съезд КПСС. Мы, коммунисты, исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество»¹.

Политика КПСС, а также коммунистических партий социалистических стран заключается в том, чтобы в тесном единстве и взаимодействии решать задачи научно-технической революции и дальнейшего продвижения по пути строительства коммунистического общества.

Хорошо известно, что в условиях капитализма ускоренное

¹ Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976, с. 47.

развитие науки и техники сопровождается резким обострением социальных противоречий. И этот факт связан не с какими-либо второстепенными моментами жизни буржуазного общества, но с фундаментальными особенностями его структуры. Основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частным присвоением — резко обостряется именно в процессе развертывания научно-технической революции.

Создание современной техники, внедрение в производство достижений науки ведут к дальнейшему обобществлению производства. Превращение науки в производительную силу порождает новую проблему — необходимость в масштабах всего общества осуществлять планомерное, ориентированное на гуманистические цели производство научных знаний, широко и рационально использовать их в материальном производстве и во всех областях общественной жизни. Эта объективная тенденция развития при капитализме наталкивается на существование частной собственности, на господство класса капиталистов в экономике, политике, идеологии, духовной жизни общества.

Пытаясь приспособиться к требованиям научно-технического прогресса, буржуазное общество осуществляет укрупнение производства (в том числе производства научных знаний и новой техники); капиталистическое государство пытается осуществить централизованное руководство наукой. Однако госмонополистический капитализм остается капитализмом. Применительно к развитию науки и техники это означает, что на сферы творческого труда капитализм пытается распространить такие свойственные ему механизмы и принципы стимулирования, контроля, управления, как конкуренция, погоня за прибылью, бюрократические способы организации. А ведь это механизмы и принципы, которые противоречат самой сущности научно-исследовательского труда и технического творчества.

Одним из новых моментов в классовой борьбе послевоенного периода является то, что сегодня она теснейшим образом связана с проблемой научно-технического прогресса. И речь идет о долговременной объективной тенденции. Рабочий класс и другие слои трудящихся, руководимые коммунистическими и рабочими

партиями, в своей практической борьбе и в ходе теоретической деятельности вырабатывают принципы научного осмысления и решения проблем научно-технического прогресса.

Теоретической основой здесь является марксизм-ленинизм, прежде всего работы Маркса, Энгельса, Ленина, в которых был поставлен и глубоко проанализирован вопрос о противоречивом развитии науки в условиях капитализма. Идеи классиков марксизма-ленинизма имеют непреходящее значение для понимания процессов, противоречий, проблем и конфликтов современного капитализма. Дальнейшее развитие марксистско-ленинского учения, в частности, применительно к проблеме научно-технической революции в условиях капитализма мы находим в материалах съездов КПСС, совещаний коммунистических и рабочих партий. На основе марксизма-ленинизма в них дается оценка объективных процессов общественного развития, а также процессов, происходящих в сознании людей под влиянием научно-технической революции.

Отличие марксистско-ленинского анализа противоречий капитализма, обостряющихся в процессе научно-технической революции, состоит в том, что он объединяет научность исследования и классовый партийный подход. Что же касается сознания, которое еще не сумело избавиться от стереотипов, рожденных капиталистической практикой, то для него и сегодня характерны те черты, о которых писали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин: оно сковано предрассудками и иллюзиями; оно склонно к фетишизму, т. е. выдает видимость за существо дела.

Это сознание, в частности, фетишизирует, наделяет самостоятельностью объективированные результаты человеческой деятельности и не вскрывает стоящие за ними отношения людей, социальных групп, классов. Мы увидим, что это, например, проявляется в превращении техники, технологии, научных знаний в некую самостоятельную и как бы встающую над всем обществом силу.

Апологетическое буржуазное сознание изображает дело так, будто развитие техники и научно-технического знания само по себе разрешит противоречия и конфликты капиталистического общества. А представители критического сознания, стихийно вырастающего на почве капитализма, напротив, объявляют результаты на-

учно-технического прогресса «демонической», «дьявольской» силой, на которую они возлагают всю вину за социальные бедствия и страдания людей в условиях буржуазного общества.

Но и в том и в другом случае, как будет доказано далее, мы имеем дело именно с внутренне родственными типами сознания, характерными для капитализма. И в том и в другом случае мы имеем дело с сознанием, которое не желает или не умеет преодолевать принципы, стереотипы, ограниченности мышления, отразившего качественные особенности капиталистической практики. Именно этим объясняется принципиальное идейное родство обеих тенденций, хотя на первый взгляд выраженные в них оценки и идеалы могут показаться различными и даже противоположными.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что оба типа сознания пронизаны внутренними противоречиями, которые все более отчетливо выявляются по мере обострения объективных антагонизмов капиталистического общества.

Внимание марксистов к анализу противоречий, разнообразия идей, оценок, идеалов, ожиданий в рамках сознания, отражающего структуру буржуазных отношений, объясняется отнюдь не только теоретическим интересом. Исследование всего разнообразия типов и форм имеет в данном случае несомненное практическое значение.

Коммунистическое и рабочее движение ведет борьбу за влияние на умы и чувства широких слоев трудящихся. Среди них — целая армия людей, непосредственно причастных к осуществлению научно-технической революции. Отсюда понятно, как важен дифференцированный анализ сознания различных групп и слоев этой армии. Ибо такое исследование дает возможность более конкретно и дифференцированно влиять на данные группы, используя конфликты, противоречия, колебания и кризисные процессы в сознании для их привлечения на позиции научного социализма.

Важно также понять, что в идейные тупики порою попадают люди, которые с полным основанием критически оценивают научно-технический прогресс, осуществляющийся в условиях капитализма. В сознании этих людей накопились серьезные противоречия. Их важно учитывать с той целью, чтобы способствовать дис-

кредитации буржуазной идеологии и переходу критически мыслящих групп и слоев на позиции марксизма-ленинизма.

Существенный интерес представляют изменения, затронувшие оба типа сознания в ходе последнего десятилетия, под влиянием обостряющегося кризиса капитализма, расширения фронта классовой борьбы в странах капитала и обогащения ее форм. В этот период были развенчаны многие иллюзии сциентизма и технократизма. Но одновременно антисциентистское и антитехнократическое сознание обнаружило свою незрелость, внутреннюю зависимость от принципов и стереотипов фетишистского и даже апологетического буржуазного сознания. Немало людей, которые еще недавно полагали, будто выбор осуществляется только в пределах антитезы «сциентизм — антисциентизм», «технизм — антитехнизм», теперь выходят за рамки самой дилеммы, т. е. по существу, отказываются от установок сознания, глубоко впитавшего иллюзии буржуазного мышления. Процесс перехода на иные позиции для таких людей оказывается порою сложным и мучительным. Однако он непрерывно осуществляется, ибо сама жизнь развенчивает буржуазную идеологию и обнаруживает противоречивость буржуазной практики.

Об общей позиции представителей двух типов сознания по отношению к развитию науки и техники в капиталистических странах можно сказать следующее. Если представители первой, техницистско-сциентистской тенденции практически связаны с бюрократической машиной производства и управления, нередко посвящают свои усилия прямому апологетическому оправданию научно-технического прогресса на путях госмонополистического капитализма и в целом оптимистически оценивают его перспективы в странах Западной Европы и в США, то выразители второй, критической тенденции чаще всего суммируют аргументы «contra», регистрируя болезненные последствия воздействия научно-технической революции на общество и индивида, пессимистически оценивают будущее, которое ожидает человечество. Рассматривая подробнее обе тенденции, попытаемся в каждом случае ответить на следующие вопросы:

настроения каких классов и социальных слоев каждая из

этих тенденций выражает, каковы социально-психологические характеристики данных слоев;

в каких основных формах она находит самовыражение или наиболее адекватное отражение;

каковы главные идеи, настроения, ожидания, верования, ценности, представленные каждой из тенденций;

каково их отношение к проблеме гуманистического использования достижений науки;

какие изменения произошли и в том и в другом сознании в 60 — 70-х годах.

Это позволит доказать выдвинутое выше положение: обе, по видимости, противоположные тенденции представляют, в сущности своей, родственные формы ненаучного, иллюзорного осознания социальной роли науки и научно-технического прогресса.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ, ФОРМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕХНИЦИСТСКО-СЦИЕНТИСТСКОГО СОЗНАНИЯ

Социальная типология носителей техницистско-сциентистского сознания и основные формы его выражения

Попытаемся ответить на вопрос: представители каких социальных слоев являются основными носителями и выразителями техницистско-сциентистского сознания?

В общей форме можно отметить, что идеи техницизма закрепились в сознании людей, чья деятельность связана с приспособлением системы государственно-монополистического капитализма к быстро меняющимся условиям научно-технической революции. Эта общая характеристика требует дальнейшей дифференциации и выделения различных групп, выражающих разные формы интересующего нас сознания.

Прежде всего речь идет о группировках, включающих тех представителей правящих классов, которые пытаются выразить собственные классовые цели в «деидеологизированных» терминах

«чистой технологии», в терминах научно-технологической «рационализации».

Правящая элита, как правило, вербуетя из представителей «традиционной» элиты — из тех групп класса капиталистов, которые издавна играют ведущую роль в экономике и системе управления большого бизнеса. Крупные капиталистические монополии, заинтересованные в развитии науки и современной техники как наиболее эффективных средств увеличения прибыли, нередко выражают свои цели и стремления так, будто ими движет «чистый» интерес к развитию науки и передовой технологии.

Однако в данном случае речь идет о специфической группе правящего класса — о тех, кто четко осознает необходимость приспособления капиталистических отношений к новым тенденциям развития техники и науки, необходимость обновления форм и механизмов экономической, а отчасти и политической организации капитализма, разумеется, при условии сохранения классовых основ власти.

Речь идет также о довольно влиятельном слое людей, которые занимают ключевые посты в корпоративных или государственных организациях и в то же время являются специалистами в области науки и техники; они имеют самое прямое отношение к управлению, к подготовке, принятию и осуществлению крупных технико-организационных и научно-технических решений.

Данная группа включает представителей различных видов специального знания — естественнонаучного, технического, гуманитарного, которое в большинстве случаев соединяется со знаниями, касающимися управления, организации, социально-экономического планирования и т. д. Это сравнительно новая, «нетрадиционная» элита. Чаще всего именно этих людей именуют технократами. И это справедливо, ибо для них проблема расширения власти в самом деле имеет огромное значение.

Отношение бюрократической технократической верхушки к традиционной элите двойственное. С одной стороны, в большинстве случаев бюрократическая технократическая элита владеет частным капиталом или непосредственно зависит от частного капитала. С другой стороны, технократы, функционирующие в госу-

дарственно-монополистических организациях, склонны подчеркивать более высокую ценность знания по сравнению со значением унаследованного капитала. Они утверждают свое право на получение разного рода привилегий (большей власти, большего престижа), ссылаясь на то, что обладают знаниями и навыками специалистов, организаторов системы производства, системы управления социальными процессами.

Опираясь на такие знания и навыки, дающие им дополнительную силу, они практически борются за право перейти в высшие разряды традиционной элиты. Они борются за более прочное положение в рядах правящего класса, используя в этой борьбе возможности «новой технологии», противопоставляя принцип «технологического рационализма» иррационализму действий конкурирующих групп традиционной экономической и политической элиты.

Таким образом, речь идет о технократической верхушке, уже обладающей значительной властью и непрерывно борющейся за ее расширение. Положение в системе государства и корпорации, в системе власти и принятия решений порой ставит технократов на один уровень с собственниками. Вот почему иной раз говорят о «второй собственности» — о привилегированной позиции, обретаемой благодаря высокому посту в системе управления наукой и техникой.

Третий слой, существенно отличающийся от первых двух, но также являющийся своеобразной питательной средой для возникновения и воспроизводства иллюзий техницизма и технократизма, — массовый слой научно-технической интеллигенции. Это многочисленные и быстрорастущие группы специалистов и экспертов, представители которых хотя и принимают участие в подготовке и проведении технико-экономических организационных решений, в обновлении технологических средств, но совершенно не участвуют в формулировании, одобрении или неодобрении основных целей. Решения вырабатываются с помощью специалистов, но принимаются другими слоями — представителями тех элит, о которых говорилось выше. Иными словами, речь идет о «технократах без власти».

Научно-техническая интеллигенция — слой, который в ходе

научно-технической революции становится и более значимым, и более массовым. Этот слой составляет очень важное звено современной системы разделения общественного труда; однако знания и способности представителей данного слоя ловко используются в качестве средства для достижения целей, к определению которых эти люди реально не имеют отношения¹.

Сознание довольно большого числа рядовых представителей научно-технической интеллигенции остается ограниченным узким горизонтом и иллюзиями техницизма и сциентизма. Анализируя здесь только технистское сознание, мы не обращаемся к тем группам научно-технической интеллигенции, которые либо вовсе не были заражены технистско-технократическими иллюзиями, либо пережили процесс постепенного освобождения от них.

Но упускать из виду эти группы было бы ошибкой, поскольку очевидно, что в капиталистических странах под влиянием борьбы противоположных классовых сил имеет место процесс повышения активности и социальной ответственности научно-технической интеллигенции. Ошибкой было бы полагать также, что данные группы составляют однородную социальную общность. Основные идеи и установки, свойственные интересующему нас типу сознания, имеют для различных групп неодинаковый жизненный, социально-психологический смысл.

Для технократов, обладающих властью, фетишизация специализированного научного знания и новой технологии, а также использование принципа технологического детерминизма зачастую являются способом обоснования — в конкурентной борьбе с традиционной элитой — своих преимущественных прав на привиле-

¹ Эта ситуация хорошо описана в некоторых работах американских социологов. Так, Норман Бирнбаум констатирует, что «правительство и командующие звенья в частном экономическом секторе могут рассматриваться как инструменты мобилизации ресурсов знания». Но затем он предупреждает, что «решение о том, как эти ресурсы использовать, принимается не носителями знания, а их нанимателями». Как пишет далее Бирнбаум, применительно к знанию имеет место «избирательный способ его использования бюрократами, которые часто могут взять лишь знание, согласующееся с их политическими целями» (N. Birnbaum, *Toward a Critical Sociology*. Oxf. Univ. Press, 1973, p. 427, 431).

гии и власть. С другой стороны, это способ идеологической маскировки реальных классовых основ, на которых зиждется данная власть и данные привилегии. Идеологическая маскировка становится особенно изощренной на нынешнем этапе, когда нарастает девальвация традиционных ценностей капитализма, когда дискредитируется вся система эксплуатации, классовых привилегий и классового неравенства.

Для массы технократов без власти сходно звучащие техникстские и технократические идеи и принципы нередко имеют иной жизненный смысл. И основная причина — объективное положение данного слоя в системе современного капитализма. Это положение можно охарактеризовать как промежуточное: с одной стороны, многие представители научно-технической интеллигенции стремятся выбиться в ряды технократической элиты; с другой стороны, массовость этого слоя и госмонополистические формы социальной организации науки и техники делают куда более реальным для его представителей статус рядового, эксплуатируемого работника умственного труда (с рядом последствий, характерных для наемного труда, включая безработицу). Вот почему в сознании этого слоя порой причудливо соединяются характерные для технократического сознания претензии и иллюзии и в то же время настроения недовольства и критицизма.

Для технократов без власти фетишизация специализированного знания и новой технологии (наконец, сама идея технократической революции, или «власти экспертов») часто является превращенной формой выражения их недовольства прежде всего тем, что они не располагают реальной властью.

Техницизм воплощает особые упования данных групп; их надежды на то, что научно-техническая революция сама собой приведет к такому положению, когда специалисты в области науки и техники станут руководящей силой в структуре власти, вытеснив «старый» правящий класс владельцев крупного капитала. Эти притязания и надежды, а не расчет на массовую революционно-преобразующую активность всех трудящихся, включая и борющуюся против капитализма научно-техническую интеллигенцию, определяют многие футурологические проекты.

Техницистско-технократическая и сциентистская идеология нередко воплощает и более скромные притязания — стремление определенных слоев научно-технической интеллигенции к улучшению своего профессионального группового статуса и престижа в рамках существующей системы (разумеется, в соответствии с критериями измерения статуса и престижа, которые приняты в данной системе). Склонность к такого рода идеям и иллюзиям у рядовых работников, специалистов в области науки и техники свидетельствует о том, что они еще и не поняли своей органической связи с основными слоями совокупного рабочего класса. Поэтому они осознают свои интересы и стремления в терминах сугубо «частной», «узкоцеховой» ориентации.

Фетишизация науки и техники, технократическая мифология для всех перечисленных групп могут также выполнять чисто компенсаторскую функцию (служить средством самообмана и самоутешения): ведь осознание растущей значимости науки и техники порой сопровождается усилением комплекса социальной неполноценности в сознании тех, чья деятельность служит научно-техническому прогрессу. Односторонний техницистский подход к социальным проблемам нередко является выражением и закреплением в сознании «технократов без власти» их действительного отчуждения от механизмов принятия важнейших общественно значимых решений. При этом реакция отдельных индивидов на сложившуюся ситуацию может варьироваться.

Для одних техницизм означает существенное сужение горизонта их мировоззрения, горизонта жизненной ориентации. Если они — в соответствии со стандартами «техницизма» — фетишизируют «императивы технологии» и проявляют недоверие к «образам идеологии», «императивам политики», то реально здесь находит выражение отсутствие в их мировоззрении сознательно принятых и отстаиваемых широких идеологических и политических программ. А это, в свою очередь, может служить основанием для воздержания от активного участия в политических и идейных битвах современности.

Для других людей техницистский подход есть лишь форма выражения узкопрагматической, оппортунистической, предприни-

мательско-индивидуалистической установки: тогда преобладает стремление, порой весьма циничное, «свободно торговать» продуктами интеллектуальной деятельности, «свободно» находить и выбирать покупателей, предлагающих максимальную цену за научно-технические знания. По сути дела, это означает «свободу» от морально-этических запретов, например, от запрета вступать в торг с «покупателями», использующими знания специалистов в антигуманных целях.

Наконец, существуют индивиды и группы, для которых односторонний техницистско-сциентистский подход не что иное, как вариант прогрессистско-реформаторской ориентации. Ими высказывается убеждение, что благодаря последовательному и универсальному проведению в жизнь принципа «формальной рациональности» и «максимальной эффективности» можно усовершенствовать существующую систему экономических, политических и идеологических отношений и даже создать условия для коренного, радикального изменения этой системы в направлении «гармоничного» социального прогресса.

Техницистско-технократическое и сциентистское сознание обретает различные формы выражения, которые требуют изучения в их единстве и разнообразии. Прежде всего техницистско-сциентистская тенденция находит своеобразное выражение в реальном сознании рядовых членов рассмотренных выше групп.

Это сознание можно определить как «практически-функционирующее», имея в виду его непосредственную реализацию в поведении людей, в их высказываниях по конкретным вопросам практического действия. Мы уже видели, что группы, представляющие это сознание, неоднородны.

Однако при исследовании этого типа группового сознания ²

² Групповое сознание не тождественно сознанию каждого представителя данных групп. Хотя групповое сознание и находит выражение через настроения, мысли реальных индивидов, чаще всего принадлежащих к соответствующей группе, все-таки здесь нет однозначного соответствия: отнюдь не все представители слоев, о которых шла речь, заражены идеями и иллюзиями техницизма; в то же время представители «нетехницистских» групп могут разделять принципы и установки техницизма.

приходится сталкиваться с большой трудностью. Документы, в которых можно найти более или менее четкое самовыражение массового техницистского сознания, сравнительно немногочисленны³.

Активнее всего в процессе фиксации и выражения техницистского сознания участвуют представители бюрократической элиты и политические деятели. Однако при анализе этой формы сознания следует учитывать, что решающее значение здесь зачастую имеет обусловленная логикой политической борьбы задача сохранения и укрепления власти. Поэтому нет однозначного соответствия между массовым техницистским сознанием и техницистскими высказываниями бюрократической и политической элиты. Равным образом нет такого соответствия между массовым техницистским сознанием и теоретико-идеологическими концепциями «индустриального и постиндустриального общества», в которых в теоретической форме находит свое выражение техницизм и сциентизм. При формировании этих концепций огромное значение имеет сама логика идеологического процесса и идеологической борьбы (в наше время в глобальном масштабе борьбы буржуазной и социалистической идеологий). Идеолог определенной классовой группы поставлен перед задачей принять участие в борьбе идей, разворачивающейся на мировой арене, и поэтому он не может не формулировать обобщенное, «целостное» представление в данном случае о роли науки, о социальном значении научно-технической революции, а не просто фиксировать реальное сознание данной классовой группы.

Имеет значение и то, что в условиях специализации гуманитарного знания авторы идеологических произведений своеобразно используют язык социологии, экономических, исторических и других наук. В последние годы идеологи сциентизма и техницизма часто прибегают к «языку» гуманизма, о чем далее будет идти речь.

Для идеологов «индустриального и постиндустриального обще-

³ Таковы, например, «внутренние» документы корпораций, управлений по науке и технике, руководства для чиновников их различных подразделений. На один из таких документов — «Using consultants» — мы сошлемся в дальнейшем.

ства» характерна еще одна черта. Вместе с соответствующими правящими группировками, которые то приходят к власти, то лишаются ее, идеологи типа Ростоу или Бжезинского то принимают непосредственное участие в государственной политике, то встают в резко критическую позицию по отношению к новой правящей группировке. В периоды участия идеологов в управлении государством ими создаются более апологетические работы. В периоды неучастия возрастает мера «критицизма», «оппозиционности» (что в последнее время характерно для работ Бжезинского и Гэлбрейта).

В целом политические лидеры и создатели упомянутых идеологических концепций до определенной степени формируют и выражают типичные идеи и иллюзии техницистско-сциентистского сознания. Поэтому мы считаем возможным использовать высказывания политиков и идеологов для характеристики данного типа сознания. Типичный пример такого рода — высказывание Дж. Кеннеди:

«В наших экономических решениях сегодня ставка делается не на какую-либо всеобщую войну соперничающих идеологий..., но на практическое управление (practical management) современной экономикой. Мы нуждаемся не в идеологических ярлыках и клише, но в более фундаментальных дискуссиях по более общим, тонким и техническим вопросам, разрешение которых необходимо для успешного развития огромного экономического механизма...» Говоря об экономических, хозяйственных проблемах, волнующих Америку, Дж. Кеннеди нередко настаивал на том, что на них должны быть даны «ответы технические, а не политические»⁴.

⁴ «The New York Times», June 12, 1962, p. 20. С этими высказываниями политического лидера по содержанию вполне совпадают формулировки, типичные для практически функционирующего техницистского сознания. Сошлемся на документ, выпущенный министерством жилищного строительства и городского развития США и посвященный современной проблеме использования экспертов, консультантов. Консультантов рекомендуется опрашивать по чисто техническим проблемам и твердо помнить, что им не «следует задавать вопросы, касающиеся местных политических конфликтов, или ожидать их разрешения». От консультантов, сказано далее, необходимо требовать, чтобы они придерживались полной «объектив-

Необходимо также иметь в виду специально-философские формы выражения сциентистского и техницистского сознания, а также разновидности сциентизма, возникшие в различных областях гуманитарного знания. Философские формы технократизма и сциентизма по времени появились и получили обоснование раньше, нежели техницистско-сциентистские идеалы укрепились в массовом, практическом сознании и в его идеологии. Вот почему многие практики и идеологи, защищающие установки сциентизма, черпают аргументы из арсенала буржуазной философии и социологии (позитивизм).

Существенную роль в выражении сциентистско-технократического сознания играют средства массовой коммуникации, реклама, а также произведения литературы и искусства. Последним принадлежит особенно важное значение — в случае когда образ действия, образ жизни и типичное сознание технициста, технократа, различия в оттенках техницистского сознания становятся темой или проблемой действительно ярких и глубоких художественных произведений.

В определенной мере особенности сциентистско-техничестского сознания и типа действий получают специфическое отображение в работах либеральных и «радикальных» антисциентистских, антитехнократических критиков. Правда, критическое сознание не всегда озабочено стремлением дать «образ» сциентиста-технократа во всей его противоречивости, сложности, жизненности. Желая заклеймить ненавистный техницистский способ действия, радикальные критики чаще создают мрачную, гипертрофированную карикатуру.

Завершая краткую типологическую характеристику форм выражения, объективирования техницистско-сциентистского сознания, необходимо особо подчеркнуть связь и взаимодействие этих форм. Ведь теоретико-идеологические концепции, в специфической фор-

ности» и нейтральности в борьбе групп и индивидов, вовлеченных в проекты жилищного и городского развития, в борьбе вокруг одной из острейших социальных проблем современной Америки.— См.: How to Find, Choose and Use Consultants. Bulletin № 11. Washington. Department of Housing and Urban Development, p. 5.

ме выражающие техницизм и сциентизм, влияют на формирование стихийного сознания: они задают и внушают перечисленным группам стереотипы, типичные для буржуазной идеологии. Идеологические концепции прямо и опосредованно влияют также на деятельность средств массовой коммуникации в капиталистическом обществе, на литературу и искусство. С другой стороны, массовое сознание широких слоев людей, вовлеченных в осуществление научно-технической революции, влияет на идеологические концепции: во всяком случае стиль, язык, символы идеологической литературы хотя и в некоторой степени, но изменяются под влиянием кризисных процессов, происходящих в массовом сознании.

Идеи, ценности, установки техницистско-сциентистского сознания многообразны. Однако возможно дать их типологическую характеристику, выделив среди них наиболее характерные, в наибольшей степени отражающие специфику данного типа сознания.

Идеи, ценности, идеалы техницистско-сциентистского сознания и их кризис

Сциентистско-техницистское сознание можно рассмотреть в двух измерениях: во-первых, проследить какие реальные факты, действительные социальные изменения фиксирует и описывает это сознание; во-вторых, проанализировать тот иллюзорный, фетишистский способ, посредством которого эти факты изменения оцениваются и осознаются. Прежде всего речь идет о факте бурного развития науки и возникновения «новой технологии» или «новой техники». Необходимо подчеркнуть, что в рамках данного сознания «технология» или «техника» чаще всего рассматриваются в широком смысле и отнюдь не сводятся к системе машин и механизмов. Эти понятия употребляются не только применительно к сфере промышленности, но и к другим сферам деятельности. Речь идет о технике или технологии получения, передачи, хранения и обобщения информации, о технике и технологии построения, функционирования самых различных организаций и систем управления, массовых коммуникаций, а также социально-психологи-

ческой манипуляции, рекламы, обработки сознания людей и т. п.⁵

Понятие «новой технологии» отражает реальные изменения роли научных знаний и технических нововведений в процессе производства, характера труда, функций, квалификации самих участников производственного процесса, возникновение нового производственного цикла, ориентированного на процесс производства и внедрения научного и технологического знания и т. п.

Необходимо учесть, что массовое практически-функционирующее сознание не просто наблюдало со стороны и отразило все эти научно-технические, технологические изменения, оно в них участвовало, оно их переживало. Причем результаты данных изменений, сегодня уже выявившиеся с большей очевидностью, практический участник событий далеко не всегда мог предвидеть. Вот почему реальные изменения в сфере науки и техники были не просто восприняты им как нечто изначальное по отношению к последующему развитию «внетехнологических» сфер. Наука и техника были истолкованы как вполне самостоятельные, мощные силы, в самих себе заключающие гарантии прогресса, благополучия, прямо, без каких-либо промежуточных социальных опосредований влияющие на общество и личность.

В рамках такого сознания сложился стереотип, четко зафиксированный и в идеологии, где «императивы знания» и «императивы технологии», конечно же, реально существующие, но истолковываемые фетишистским образом, указываются в качестве единственных детерминантов экономических форм. Эта идея четко выражается в следующих словах Д. Гэлбрейта: «Императивы технологии и организации, а не образы идеологии — вот что детерминирует форму экономического общества»⁶.

Здесь выявляется и еще одна привычная для техницистского сознания мыслительная конструкция: признание детерминирующей роли «императивов технологии», как правило, сопровождается от-

⁵ В сжатой форме такое широкое определение дал Гэлбрейт: «Технология означает систематическое применение научного и другого организованного знания к практическим задачам». (J. K. Galbraith. The New Industrial State. Boston, 1967, p. 12).

⁶ J. K. Galbraith. The New Industrial State, p. 7.

рицанием значимости «императивов идеологии», отражающих интересы борющихся классов и групп, а также различия между капитализмом и социализмом. Эта идея не просто является ложной в теоретическом отношении: она представляет собой характерный пример идеологического спора, защиты интересов господствующих классов и групп современного капиталистического общества, но спора, облеченного во «внеидеологическую», даже «антиидеологическую» и якобы «надклассовую» фразеологию.

Приведенные выше слова Дж. Кеннеди выражают ту же идею о якобы существующей прямой связи между «императивами технологии», и «формой общества», типами деятельности. Технистское сознание объективно руководствуется, следовательно, идеей и методом прямого «научно-технологического детерминизма», т. е. ошибочным, упрощенным пониманием роли науки, техники и технологии в развитии общества, в частности, в развитии современного капиталистического общества. Решающее значение для квалификации такого сознания, как фетишистского, иллюзорного, имеет то, что согласно его логике вещные, материальные связи и отношения и есть социальные отношения.

Маркс, как известно, определил аналогичный способ мышления, как «товарный» или «вещный» фетишизм. Фетишизм сциентистско-технистского сознания проявляется в том, что комплекс отношений «наука — техника» («отношений» между научными знаниями и их воплощением в материально-техническом, технологическом результате) истолковывается как решающий, первичный (и даже автономный) по сравнению с социально-политическими отношениями.

Следовательно, при таком подходе важнейшие социальные отношения бессознательно или сознательно как бы «отодвигаются в сторону». А ведь на самом деле именно они придают особый характер и особую направленность научно-техническому прогрессу и тем самым опосредуют, согласно своим внутренним законам, влияние науки и техники на общество и индивида. Речь в данном случае идет о различных формах социальных привилегий, об отношениях собственности и отношениях власти, т. е. прежде всего о социально-экономических отношениях классов. Фетишизм и идеа-

лизм исследуемого сознания определяются тем, что «научно-технологические императивы» отрываются от тесно связанных друг с другом сфер «экономократии» и «политократии», а затем приобретают детерминирующее значение по отношению к последним. Стереотипы такого же рода проявляют свое действие, когда сциентистско-техницистское сознание пытается проследить взаимосвязь между технологическими изменениями и сдвигами в организационной структуре общества.

В данном случае техницистское сознание тоже реагирует на вполне реальный факт — на возникновение и широчайшее распространение в развитых капиталистических странах огромных бюрократических корпораций (не только сфера бизнеса, но все главные области общественной жизни, в том числе сфера научного исследования, охвачены колоссальными организациями), на усиление роли госмонополистических организаций, на их возрастающую безличность и т. д.

В сциентистско-техницистском сознании, независимо от того, исповедуют ли такие идеи восторженные руководители или более скептически настроенные рядовые служащие крупных корпораций, прочно укрепляется мысль о колоссальной мощи, всевластии организации. Причина укрупнения и поистине универсального распространения корпораций то усматривается во внутренних императивах технологии, то связывается с особыми функциями знания, в том числе научного, с разделением сфер знания и соответствующим разделением труда, с «самостоятельностью», «самоопределением» организаций, которым теперь приписывается решающая рационализирующая роль в обществе.

Сциентистско-техницистское сознание имеет тенденцию рассматривать все возникающие в организационной практике проблемы как технические, в принципе поддающиеся рационализации и научному регулированию. И более того, для сознания данного типа обостряющиеся социальные противоречия зачастую предстают либо как следствия недостаточной продуманности технических принципов организационной деятельности, либо как отдельные эмпирические случаи, когда система научно осмысленных принципов-де недостаточно последовательно и строго проводится в жизнь.

Так возникает иллюзия, будто принятие оптимальных политических решений в отношении науки обеспечит кардинальное решение социальных проблем (в том числе связанных с развитием науки и техники). Проблема отчуждения личности по отношению к бюрократическим организациям (также и в сфере научного исследования) считается, с точки зрения сциентистско-технистского сознания, вполне разрешимой, причем путь преодоления отчуждения усматривается не в подчинении бюрократического аппарата действительному контролю трудящихся масс, но лишь в усовершенствовании взаимоконтроля звеньев бюрократической организации и в «научном осмыслении» принципов их деятельности. Фетишистское сознание преувеличивает возможности периодических усовершенствований организационных форм деятельности бюрократического аппарата.

С проблемой организации тесно связан, а в определенном смысле с ним тождествен вопрос об управлении. Управление — Management — понятие, которое давно, начиная с 30-х годов, функционирует и в практике, и в соответствующей литературе, вышедшей в капиталистических странах. Но вопрос, конечно, упирается в осмысление тех существенных изменений в характере и значении управленческой деятельности, которые произошли в этих странах после второй мировой войны, в особенности в 50—60-е годы.

Факты и здесь хорошо известны: возросла роль управленческой деятельности, ее профессионализация и специализация, роль ученого, специалиста-эксперта по сбору, накоплению информации, в том числе научной. Произошло возрастание управляющей роли государства, роли планирования экономики и других сфер социальной жизни и т. п. Однако управление не просто истолковывается как «центральная социальная функция»⁷ в буржуазном обществе.

Управление также превращается в самоорганизующуюся, исключительно по своим внутренним законам протекающую деятельность «чисто организационного», «профессионального», «специаль-

⁷ Peter F. Drucker, *Technology, Management and Society*. N.I., 1970, p. 32.

ного» характера. Для такого сознания характерна технизация и сциентизация проблем управления, упрощенное понимание социальных предпосылок и общественного значения управленческой деятельности.

Сциентистско-техництское сознание, поскольку оно реагирует на факт возрастания значимости управленческой деятельности, разделяет по крайней мере две главные иллюзии. Во-первых, изменение роли и структуры управления истолковывается как переход от частнособственнических отношений (когда владеет собственностью и управляет конкретная личность или группировка) к безличной, «коллективной» власти, подчиняющейся якобы не «императивам собственности» или потребностям удержания власти, но исключительно императивам технологии и логики управления. Во-вторых, поддерживается иллюзия слаженной, бесперебойной, «рациональной» работы особых, по существу, не связанных с классами категорий людей⁸, особых профессиональных групп; при этом предполагается, что доля участия каждого индивида в принятии решений определяется исключительно его квалификацией, знаниями, мерой организационного, управленческого таланта и т. д. Наличие таких иллюзий и дает основания характеризовать техництское сознание также и как технократическое. И в самом деле, идея технократии очень часто является важным элементом, стороной техництского сознания.

В результате того, что три важнейших компонента общественной жизни — научно-технологический комплекс, организация и управление — истолковываются в духе упрощенного сциентистско-техництского (и организационно-управленческого) детерминизма, возникает иллюзорное представление о «самостоятельной разум-

⁸ Вот типичные для апологетического идеологического сознания формулировки из книги Гэлбрейта «Новое индустриальное государство»: «Вместе с ростом современных корпораций, с возникновением организации, обусловленной современной технологией, планированием, вместе с отстранением собственника капитала от контроля над предприятием, в рамках развитого индустриального предприятия предприниматель уже не существует в качестве индивидуальной личности» (J. K. Galbraith, *op. cit.* p. 72).

ности» науки и техники, превращающихся в единственную предпосылку социального развития.

По мнению сциентиста-технократа, не социально-экономическая структура определяет тип управления, но, напротив, «управление определяет (creates) экономическое и социальное развитие. Экономическое и социальное развитие есть результат управления»⁹.

Ещё одна характерная черта сциентистско-техницистского сознания — четко или завуалированно высказанная идея, согласно которой «нетехнологические» сферы деятельности также возможно и необходимо подчинить учету, управлению, контролю, связать с использованием современной науки. Техницизм (вместе с технократизмом) и сциентизм прежде всего распространяют свою экспансию на сферу научного творчества, но считают возможным так или иначе влиять на развитие культуры и искусства.

Это сравнительно новая идея, поскольку еще до войны в развитых капиталистических странах было распространено иллюзорное представление о взаимной обособленности сфер бизнеса, управления, организации и сфер духовного творчества, продуцирования культуры. Прежняя иллюзия разрушилась под влиянием хорошо известных реальных изменений, таких, как подчинение всех областей духовного производства принципам капиталистической организации, индустриализация духовного труда, средств массовой коммуникации, внедрение стандартизированных форм действия и создание «усредненно-массового» продукта, точно рассчитанного на различные группы потребителей литературы и искусства, и т. п.

В сознании технициста-технократа приобрела широкое распространение прямо противоположная иллюзия: наука, литература, искусство могут быть развиты и построены в соответствии с обычной логикой «техноструктуры», с потребностями и задачами всякого управления. Деятельность творческих кадров при использовании конкретной методики может дать вполне определенный, заранее запланированный эффект. Результаты творческого труда могут быть вычислены и быстро использованы в производстве,

⁹ Peter F. Drucker. Technology, Management and Society, p. 40.

потреблении и быту. Сформировалась максималистская идея, будто процесс формирования новых ценностей и воспитания в их духе молодого поколения можно столь же строго контролировать, как и процесс производства вещей и прикладных научно-технических идей.

Следовательно, речь идет о принципиальной возможности универсального управления сверху не только производственно-экономической деятельностью людей, но и всеми их действиями, мыслями, поступками; предполагается возможность «тотальной манипуляции», не оставляющей места для какой-либо неконтролируемой технистами активности, захватывающей самые сокровенные мысли и самые интимные чувства индивида. Иногда эта мысль подается под соусом показного гуманизма, заботы о благе индивида; в других случаях вполне цинично постулируется возможность при помощи новейших и грядущих открытий генетики, психологии, социологии перестроить наследственность, психику индивида, психологию групп и тем самым создать нерасколотую стопроцентно-технократическую личность и новую культуру, якобы отвечающую запросам научно-технического прогресса.

Мы, таким образом, подошли к весьма важному вопросу: каково отношение сциентистско-технистского сознания к проблеме человека, к проблеме гуманизма.

В пределах анализируемого сознания можно дифференцировать две разновидности, имея в виду различие в оттенках отношения к гуманистическим ценностям.

Первый тип представлен сциентистско-технистским сознанием, преимущественная ориентация которого бюрократическая.

В полном соответствии с фетишистским, иллюзорным способом осознания технико-экономических, структурных, организационных изменений этим сознанием осмысливаются изменения, касающиеся индивида, человеческой личности. Поскольку «техноструктура», структура современного управления, логика построения крупных бюрократических организаций предполагают разделение функций и знаний, человек в системе технистского и технократического сознания выступает прежде всего как послушный исполнитель всегда более или менее точно определенной роли в си-

стеме «безлично-коллективного» действия и решения. На отдельного человека распространяются все критерии эффективности, рациональности, функциональности, которые выдвинуты применительно к оценке развития и самосохранения организационных систем.

Таким образом, индивид выступает как «исполнитель отдельных ролей», в разных связях принимаемых или не принимаемых во внимание. Например, корпорации, обеспечивающие сбыт материальной и духовной продукции, рассчитывают на него как на потребителя вещей, идей и образов; корпорации, управляющие транспортом, имеют его в виду как пассажира; любая управляющая система, регулирующая деятельность самих корпораций, рассчитывает на индивида как на функционального служащего, как на более или менее эффективный «механизм», участвующий в принятии, усвоении и передаче информации, и т. п.

Этот взгляд на человека глубоко укоренился в реальной практике крупных бюрократических организаций современных капиталистических государств.

В последние годы в связи с ростом массовых антибюрократических настроений зачастую «подслащают пилюлю», уверяя мелкого чиновника, что его функция значительна, что он нужен и полезен как личность, способная к инициативе и самоотдаче во имя «коллективных целей» и т. д. Одна из распространенных форм маскировки обезличенного техницистского подхода к личности — широко рекламируемая идея о том, что функционирование современной науки и техники, корпораций, отлаженная машина управления означают непосредственное благо для индивида, способствуют возрастанию его благосостояния, безопасности и прочности в системе общества, повышению статуса, влияния каждой личности.

Необходимость принимать в расчет индивида как личность не является, однако, внутренней тенденцией самого бюрократического сознания. Ибо идеал техницистского и сциентистского бюрократизма — вполне приспособленный индивид, действующий максимально эффективно, послушно выполняющий определенную функцию, определенную цель, заданную рамками системы. Интегрированный индивид как бы дополняет и завершает целостную

картину «рационально-функциональной организации», которая рисовалась Максом Вебером как некий идеальный тип, а современным технократом воспринимается и переживается как сама реальность.

Что касается сознания «эксплуатируемого технократа», «технократа без власти», то и на него оказывает существенное влияние идеал «приспособленности», пропагандируемый бюрократической организацией. Личная неприспособленность зачастую переживается рядовым научным работником, инженером, мелким чиновником, служащим как следствие индивидуальной ущербности, некомпетентности, неподготовленности и т. д. Это ведет к болезням личности, к различным формам так называемого «отклоняющегося поведения».

Анализируя новые черты данного сознания, возникшие в последнем десятилетии, следует выделить такую его разновидность, как гуманистически ориентированное сциентистско-техническое сознание.

Это, главным образом, сознание тех групп специалистов в области науки и техники, которые критически относятся к некоторым формам и последствиям научно-технического прогресса при капитализме. Подчеркнем, что при оценке и рассмотрении научно-технического прогресса они остаются на тех же теоретико-методологических основах; наука и техника оцениваются как главные, все-сильные, самостоятельные детерминанты социальной жизни. Но в отличие от функционалистского и прагматическо-бюрократического подхода эти представители техницизма во главу угла ставят не безличные «императивы технологии», а потребности, запросы человека, вместе с тем полагая, что их удовлетворение как бы «автоматически» обеспечивается благодаря разворачиванию научно-технической революции.

Еще в 50—60-х годах для этого направления, носителями которого чаще всего оказывались рядовые ученые и «технократы без власти», в высшей степени были характерны иллюзии такого типа: прогресс знания, особенно научного, ускоренное применение науки и техники могут обеспечить кардинальную перестройку, «рационализацию» политической сферы, изменение самого механизма

принятия решения; изменение системы политической власти, возможное-де вследствие прогресса знания, и будет залогом удовлетворения нужд и потребностей всех людей.

Оба рассмотренных выше вида техницистско-сциентистского сознания сложились в США и странах Западной Европы в послевоенный период. К началу 60-х годов они воплощались по большей части в оптимистических представлениях о будущих перспективах социального развития в направлении общества «всеобщего благоденствия». Однако жизнь показала, что наука и техника чаще всего были лишь средствами для реализации целей, выражающих интересы правящих классов, правящей бюрократии, отчужденной от интересов масс трудящихся.

Под влиянием обострившихся противоречий капитализма в рамках техницистско-сциентистского сознания в 60—70-х годах произошли важные изменения. Кратко охарактеризуем их.

Обострение противоречий капиталистической системы по мере развертывания научно-технической революции, несбывшиеся завышенные надежды «кибернетического сциентизма и техницизма», усиливающееся движение протеста, перешедшее к открытым столкновениям оппозиционных групп с господствующими режимами, неблагоприятное в целом отношение общественного мнения к «сто процентному», исполнительному сциентисту и технократу — эти и другие обстоятельства капиталистической действительности повлияли на снижение уровня оптимизма сциентистско-техницистского сознания. Существенно возросла внутренняя противоречивость личностных ориентаций сциентиста-технократа по профессии и убеждениям. Наступательная самоуверенность их высказываний в наши дни — явление довольно редкое. Даже представители бюрократической элиты, а также апологетические идеологи техницизма все чаще вынуждены говорить о глубоких противоречиях и нерешенных проблемах.

Немалое значение имело также и то обстоятельство, что многие представители типично сциентистских и техницистских слоев в ходе последнего десятилетия нередко с удивлением и тревогой обнаруживали сторонников антитехнократических и антисциентистских настроений «в лице своих собственных изнеженных детей».

Под влиянием этих объективных социальных процессов в рамках сциентизма и технократизма значительно усилились критические тенденции, что, разумеется, не означает, будто ушел в прошлое и стал ненужным тип добропорядочного, не ведающего сомнений или, скорее, не высказывающего их апологета. Внутренняя нестабильность социально-политической жизни развитых капиталистических стран, так четко проявившаяся в последние годы, заставила правящие круги задуматься над крупными просчетами в системе управления, планирования, организации.

К числу таких просчетов, формулируемых как представителями господствующих, так и в особенности сторонниками рвущихся к власти оппозиционных групп, все чаще относят иллюзию самодостаточности и даже первичности научных и технических знаний, управленческих и организационных структур по отношению к процессу развития общества в целом. Теперь все чаще она осознается как серьезная «тактическая» ограниченность; ее следствием, заявляют критики, является сохранение консервативной социально-политической системы.

«В противоположность нашим техническим и научным достижениям,— вынуждены признать члены американского конгресса, т. е. представители правящих политических группировок,— наша политическая мысль и социальная структура остались примитивными по своему замыслу и заскорузлыми в своем развитии, в большой степени неспособными справиться с ситуациями, которые породила наша техническая цивилизация. Во многих отношениях напрашивается сравнение с динозавром: мы создали огромное туловище с крошечным социальным и политическим разумом»¹⁰.

Именно задаче «дополнения» техницистского действия и создания «социальным и политическим разумом», чаще всего в чисто функционалистском его понимании, посвящаются усилия вчерашних технократов, деятельность привлекаемых в целях экспертизы специалистов по социологии, политэкономии и других гуманитарных наук. Это специалисты, как правило, сотрудничающие в так называемых «думающих» корпорациях бок о бок со специали-

¹⁰ American Militarism 1970, N. J., 1969, p. 2.

стами-технократами. Целям выправления вчерашних «ошибок» посвящены, например, новейшие проекты долгосрочного планирования развития космических и военных исследований в США, обязательным элементом которых является очень подробно разработанный «сценарий» сегодняшней и будущей социально-политической ситуации в стране и во всем мире. В то время как одна группа сциентистов-техноцистов считает необходимым развивать военный потенциал при более точном учете социально-политических факторов, представители других групп управленческого персонала капиталистических стран под влиянием растущих антивоенных настроений говорят о «пагубном воздействии космических и военных исследований». Это отразилось, например, в цитированной выше работе американских конгрессменов под примечательным названием «Американский милитаризм».

В настоящее время широко пересматривается сложившаяся практика отношения к науке — к ее планированию, организации, финансированию и т. д. и вообще к различным областям творческого труда. А ведь эта практика даже при принятии общегосударственных решений до недавней поры вполне укладывалась в рамки сциентистско-технистского подхода.

Изменения в технистском сознании в известной степени обусловлены также и тем, что за последние годы произошло известное обновление сциентистских и технистских слоев, о которых мы говорили выше: в каждый из них влились представители молодого поколения, вчера еще активно выступавшие против технократии и технократического общества. И хотя некоторые из вчерашних «бунтарей» забыли о «грехах молодости» и включились в «крысиные бега» — в погоню за постами, престижем, потребительскими благами, все-таки нельзя сбрасывать со счета появление сциентиста и технократа нового типа, чье сознание более противоречиво, менее цельно и приспособленно. Важно в этой связи иметь в виду, что новые специальности, предполагающие своеобразный синтез гуманитарного и математико-технического знания, требуют более глубокого понимания социальных проблем, социально-психологических характеристик поведения, сознания личностей и групп. Если все эти объективные изменения еще не

оказали существенного воздействия на сознание правящего и рядового технократа, то можно предполагать, что в будущем они обнаружатся более явно.

Для понимания характера уже происшедших и происходящих изменений (нарастание критичности, осознание необходимости учитывать гуманистические проблемы, специфику творческой деятельности и т. д.) следует остановить внимание еще на одной особенности деятельности и сознания сциентиста-технократа.

Представители этих слоев практически заняты усовершенствованием и стабилизацией капиталистической системы. Это значит, что от них реально требуется не просто желание разделять или поддерживать апологетические установки, но также выявить, фиксировать противоречия, а главное, изыскивать соответствующие научные и технико-организационные средства для их смягчения. Поскольку сциентист и технократ в условиях развитого капиталистического общества имеют дело с реальными противоречиями, конфликтами системы, постольку присущая ему апологетическая и оптимистическая идеализация постоянно подвергается ударам и испытаниям. Сциентист и технократ не может в самом процессе деятельности быть эффективным, если не замечает, а тем более заведомо исключает существенные противоречия в сложившихся технико-организационных структурах, если он просто игнорирует наличие острых нерешенных проблем и противодействующих тенденций. Сциентистский оптимизм постоянно вступает в противоречие с реальным делом сциентиста-технократа, с его функцией выявлять и по возможности «смягчать» противоречия.

Типично иллюзорные представления, идеи о «всесилии» науки, техники, рационального управления и организации в сознании конкретной личности могут сосуществовать с реальным ощущением бессилия перед лицом накапливающихся трудностей и обостряющихся противоречий. При этом иллюзии выполняют своего рода компенсаторные функции; они могут даже соседствовать с критическими оценками, чаще всего пригодными не для «службы», тем более не для официального уровня, а «для дома, для семьи», для ближайших друзей. С этим связана нарастающая внутренняя противоречивость и амбивалентность, т. е. неустойчивость, расколо-

тость техницистско-сциентистского сознания. Но этим не отменяются его действенность и распространенность, обусловленные социальными процессами научно-технической революции.

Несмотря на все изменения, основные идеи сциентистско-техницистского сознания и сегодня образуют идейный костяк официальной апологетически-оптимистической буржуазной идеологии. Причина живучести и достаточно широкого ее распространения состоит в том, что она, во-первых, своеобразно отражает и выявляет типичные переживания и типичные идеи, т. е. характерные стереотипы сознания социальных групп, занимающих господствующее положение в капиталистической общественной системе. Во-вторых, следует принять в расчет работу мощного государственного аппарата пропаганды, средств массовых коммуникаций, а также различных форм социально-психологической манипуляции, при помощи которых распространяют, насаждают данную идеологию. Раз сформировавшись, она оказывает детерминирующее воздействие на укрепление уже сложившихся стереотипов, на формирование сознания индивидов в сциентистско-техницистском духе.

Для современной ситуации характерно противоречивое состояние сциентистско-техницистского и технократического сознания. С одной стороны, можно с полным правом говорить о глубоком его кризисе, что выражается и в «расколотости» внутреннего духовного мира сциентиста-технократа, и главным образом в значительно понизившемся социальном престиже сциентистско-техницистской деятельности и идеологии. С другой стороны, было бы серьезной ошибкой утверждать, будто это сознание утратило всякое влияние, тем более неверно говорить о его «самоуничтожении». Ибо это сознание глубоко укоренено в капиталистической системе, в организации науки и техники в условиях госмонополистического капитализма. В немалой степени живучесть сциентистско-техницистских иллюзий объясняется общим фетишистским характером сознания, возникающего в условиях капитализма.

К тому же следует учесть функциональную идеологическую роль техницистско-сциентистского сознания, использование которого позволяет правящему классу придавать более «современный вид» системе официальных и традиционных ценностей,

Следует принять во внимание еще одно обстоятельство. Общие социальные и мировоззренческие установки техницистского сознания ненаучны и иллюзорны. Однако в некоторых конкретных действиях его носители — пока они не углубляются в осмысление социальной роли науки и техники — опираются на научно-технические, главным образом естественнонаучные, достижения. Они осуществляют процесс рационализации различных областей человеческой деятельности на основе современной науки и передовой техники. Тем самым они способствуют повышению производительности общественного труда. Вполне оправданная вера специалистов в научно-технический прогресс иногда как бы незаметно для них самих перерастает в техницизм и сциентизм. Вот почему критика техницизма и сциентизма с позиций марксистско-ленинского мировоззрения должна быть направлена не на то, чтобы подрывать веру в науку и разум, которые сами по себе являются важной предпосылкой социального прогресса, а на показ иллюзорности надежд, что социальные противоречия капитализма могут быть устранены в результате развития науки и техники.

Стихийное спользование специалистов в области науки и техники на позиции сциентизма и техницизма связано также с тем, что непрерывно появляются новые области научно-технического прогресса, которым приписывается «всевластное» и «прямое» действие на общество и человека. Так, еще вчера были распространены «кибернетические модели» переустройства общества и сознания человека. А сегодня все большее распространение получает новая форма техницистско-сциентистского видения, которое выросло на основе реальных достижений техники и методики системного анализа, новейших методов планирования и прогнозирования научно-технического прогресса¹¹.

¹¹ В наши дни, констатируют авторы доклада «Аналитические методы при формировании правительственной политики в отношении науки», есть немало специалистов в области системного анализа, которые полагают, что «применение аналитических методов является своего рода панацеей, которая поможет превратить процесс принятия решений по научной политике в деятельность весьма легкую и безболезненную» (Analytical Methods in Government Science Policy, OECD, Paris, 1973, p. 5).

Завершая общий типологический анализ форм и разновидностей сциентистско-техницистского сознания, следует подчеркнуть, что в последние годы увеличивается противоречивость сознания ученых, приверженных сциентизму и техницизму.

Сознание людей, работающих в науке, становится все менее цельным. Прежде всего это можно сказать об ученых, привлекаемых правительственными учреждениями и корпорациями в качестве ответственных, высокооплачиваемых экспертов и консультантов. К этой же категории можно отнести и тех ученых, которые используются для экспертизы и консультаций более скромными частными предприятиями, местными властями и т. д.

Слой экспертов и консультантов сравнительно невелик по численности, но его роль в выработке решений, касающихся развития науки и техники, не идет ни в какое сравнение с количественным составом. Их сознанию до недавнего времени были присущи сциентистско-техницистские элементы. Событиями последних лет техницизму и сциентизму, т. е. упованиям на могущество науки и техники как решающей силы социального прогресса, был нанесен сильный удар. Тем не менее и сейчас ученые нередко высказывают уже знакомое нам убеждение, что все дело лишь в ошибках расчетов и управления, которые могут быть выправлены всесторонней научной рационализацией.

Как уже отмечалось, отнюдь не все ученые и технические специалисты капиталистических стран непременно отдают дань сциентизму и технократизму. Некоторые ведущие идеологи-теоретики технократии делают необоснованный вывод, будто в капиталистических странах, в частности в США, идет процесс постепенного исчезновения интеллигенции, ориентированной на идеологию гуманизма и склонной к социальному критицизму. Такая интеллигенция, утверждают эти идеологи, ушла в прошлое, ее целиком заменили техницистски настроенные слои. Вот что пишет, например, З. Бжезинский: «Интеллектуалы-оппозиционеры, ориентация которых была преимущественно гуманистической, а порою идеологической и которые осознавали свою роль главным образом в терминах глубокой социальной критики,— такие интеллектуалы быстро заменяются либо экспертами и специалистами,

которые оказываются вовлеченными в специальные правительственные мероприятия, либо теми, кто осуществляет функцию обобщения и интегрирования и кто в действительности выполняет роль домашних идеологов на службе у власть придержащих»¹². Бжезинский грубо искажает целостную картину развития капиталистических стран, в частности современной Америки, перечеркивая борьбу противоположных классовых сил, умаляя значение новых процессов — повышения активности и социальной ответственности научно-технической интеллигенции. Это серьезное искажение, ибо на деле современная эпоха все более настоятельно способствует формированию сознания, стремящегося освободиться от сциентистско-техницистских иллюзий и вообще подняться над дилеммой сциентизма — антисциентизма.

Что же касается тех, кто не может освободиться от предвзятых и стереотипов буржуазного мышления, то они остаются в рамках сциентизма даже в случае возникновения и распространения критических настроений. Это отчетливо обнаруживается при анализе второй основной тенденции сознания, развивающегося в условиях современного капитализма и осмысливающего роль науки и техники в обществе. В последние годы идеи антитехнизма и антисциентизма приобрели широкое распространение. Даже некоторые западные авторы вынуждены признать, что речь идет о смене одних иллюзорных представлений другими.

«Еще люди прошлого поколения,— пишет Самюэль Флорман,— без сомнений и раздумий верили в благотворное воздействие технического прогресса. Сегодня распространилась уверенность в том, что техника ускользнула из-под человеческого контроля и сделала нашу жизнь невыносимой. Враждебность по отношению к технологии стала таким распространенным штампом в литературе, что мы редко задумываемся над тем, как это новая доктрина столь быстро и прочно захватила нас»¹³.

И в самом деле, в западной литературе много пишут об

¹² Zbignev Brzezinski. America in the Technocratic Age in «Encounter», Jan., 1968, p. 22.

¹³ Samuel C. Florman. In Praise of Technology in «Harper's Magazine», November, 1975, p. 53.

этом «странным и опасном» феномене — враждебности по отношению к науке и технике. Но вопрос о социальных корнях и противоречиях антисциентизма и антитехнизма, как правило, не исследуется.

Нам представляется важным применить марксистский социально-типологический подход также и к анализу этой второй тенденции сознания, в котором отражается критическое отношение к науке и технике.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ, ФОРМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ АНТИТЕХНИЦИСТСКОГО И АНТИСЦИЕНТИСТСКОГО СОЗНАНИЯ

Социальная типология носителей антитехницистского и антисциентистского сознания и основные формы его выражения

В современном развитом капиталистическом обществе есть слои и группы, символом веры которых является резко критическая и в целом пессимистическая оценка влияния науки, научно-технического прогресса на общество и личность.

Какие же социальные группы являются «носителями» антисциентистского и антитехницистского сознания?

Во-первых, это представители критически и оппозиционно настроенной интеллигенции, преимущественно, хотя и не исключительно, гуманитарной: ученые-гуманитарии, деятели искусства и литературы, т. е. представители профессий, которые по традиции считаются творческими и «свободными». Современная стандартизация духовной деятельности в странах капитализма, возникновение крупных бюрократических организаций в сфере духовного производства вызывают болезненное крушение иллюзий социальной и политической нейтральности, надежд на свободу, творческую независимость. Крушение иллюзий, переоценка ценностей — процессы, в прошлом веке и в начале нашего столетия зафиксированные и описанные лишь немногими философами, — сегодня

отразились в массовых переживаниях, характерных для подавляющего большинства представителей творческих профессий.

Во-вторых, критическое антитехнократическое сознание приуще студенчеству и учащейся молодежи, в последние годы активно выступавшими в развитых капиталистических странах против капитализма, против «технократического» и «технотронного» века, с которыми они склонны отождествлять общество и сознание «отцовского поколения».

Причины массового движения студенчества и учащейся молодежи связаны с той же стандартизацией духовной культуры, которая беспокоит и интеллигентов сегодняшнего дня, и будущих интеллигентов. Образование, несмотря на широковещательные заявления сциентистов и технократов о «господстве науки и знания», перестало быть гарантией привилегированного положения в обществе, в системе крупных бюрократических организаций, подчиняющих себе процесс производства и материальных и духовных продуктов. Вот почему ожидания, обусловленные традиционной, весьма высоко котировавшейся ценностью «хорошего образования», неминуемо сталкиваются с изменившейся реальностью, а также с опасениями, тревожными предчувствиями, касающимися будущего.

Сама система образования, что признано и соответствующими официальными кругами, переживает в капиталистических странах тяжелый внутренний кризис, ибо она не отвечает динамике быстроизменяющихся запросов общества. Студенчество, учащаяся молодежь, а также примыкающие к ним некоторые представители профессорско-преподавательских, академических кругов, наиболее болезненно переживающие кризис системы образования, склонны связывать его с более широкими социальными процессами. Однако критика социальных противоречий капиталистического общества довольно часто осуществляется в форме разоблачения его как «технократической и сциентистской системы», как «общества технократов».

В-третьих, носителями антитехницистского и антисциентистского сознания порою являются те участники процесса производства и управления — рабочие, служащие, инженерно-технические работ-

ники, ученые, положение которых существенно ухудшается из-за глубоко противоречивого характера научно-технической революции, поскольку она осуществляется на основе капиталистических частнособственнических, госмонополистических общественных отношений.

Дальнейшее разделение труда, введение конвейера, автоматизации способствуют стандартизации, упрощению и обезличиванию некоторых видов профессий, которые раньше в большей степени зависели от индивидуальности производителя; далее, научно-технический прогресс способствует устранению или существенному снижению социального престижа некоторых профессий, которые всего несколько десятилетий назад были массовыми и значимыми. Если техницисты видят в таких изменениях важное свидетельство социального прогресса, то совсем иначе реагируют люди, чьи судьбы, потребности, привычки были связаны со старыми формами труда. Потеря работы или угроза потерять ее, снижение заработка, утрата социального веса и влияния — все эти реальные процессы ведут к формированию болезненного, озлобленного, напряженного сознания, которое вместе с тем в условиях официального господства техницистских стандартов и иллюзий весьма подвержено их некритическому восприятию.

В-четвертых, антисциентистские и антитехницистские установки могут сегодня разделять люди, еще вчера приверженные прямо противоположным иллюзиям. Разочарованные и разуверившиеся в сциентизме, они легко переходят к антисциентистским убеждениям, поскольку по содержанию обе позиции, различающиеся в своих ценностно-эмоциональных «знаках», весьма близки друг другу. Вот почему в наши дни ряды антисциентистов пополняют естествоиспытатели, представители «поведенческих» и общественных наук, менеджеры, служащие, которым не суждено было увидеть реализованными завышенные надежды, ожидания оптимистического сциентизма и техницизма, технократизма.

Различие в положении перечисленных социальных групп обуславливает тот факт, что формы выражения антитехницистского и антисциентистского сознания довольно разнообразны.

Наиболее ярко спонтанные антисциентистские и антитехнокра-

тические умонастроения отражаются в соответствующих документах, представляющих мышление рядовых участников радикального, в том числе студенческо-молодежного, движения. Рассматриваемые идеи и настроения частично выражают некоторые устойчиво оппозиционные или временно переходящие в оппозицию политические лидеры, которые, лицемерно или искренне, регистрируют болезненные ощущения рядовых членов общества, участников движения протеста, и используют их для критики господствующих политических режимов. Диапазон выражения этих настроений настолько широк, что антисциентистскую, антитехническую критику можно встретить и в речах представителей так называемых «новых левых», и в демагогических высказываниях, формулировках представителей реакционных, правозащитных политических сил. Поскольку перечисленные выше типично антисциентистские слои и группы таят в своем сознании и действии большую взрывчатую силу, постоянную готовность к открытому бунту, постольку ловкие политики весьма склонны по отношению к ним к заигрыванию и лести, хотя на самом деле выражение и защита антисциентистских и антитехнических настроений в каждом случае есть лишь форма маскировки конкретной политической борьбы.

Специфические и очень важные формы внешнего воплощения антитехнических, антитехнократических идей и настроений — это литература, искусство, художественная критика, критическая журналистика. Если в лучших произведениях художественной литературы и художественного творчества послевоенных десятилетий технократ был, так сказать, «объектом» критического взгляда, то мятущийся оппозиционно настроенный интеллигент или вообще представитель антитехнических и антисциентистских слоев весьма часто становился своего рода «положительным героем». Правда, он редко был субъектом активного социального действия; чаще всего он предстал в качестве «субъекта», пристально и внимательно взглядывающегося в свой внутренний мир, организующего свои ценности и отношения вокруг идеалов гуманизма, ответственности, свободы, честности и т. д., которые противопоставлялись функционально-прагматическим критериям сциентистского и технократического мира.

И еще об одном способе выражения антитехнократизма «извне».

Средства массовой коммуникации, хотя они и находятся в руках крупных собственников или в ведении госмонополистических организаций, также популяризуют антисциентистские, анти-техницистские мысли и настроения, поскольку они подчиняются коммерческому принципу погони за сенсациями. Не случайно представители движения протеста в капиталистических странах сетуют, кто искренне, кто лицемерно, на «преувеличенное внимание» средств массовой коммуникации, которые сообщают информацию об антитехницистских настроениях и одновременно сводят их к экстравагантным, сенсационным выходкам.

Антитехницистские, антитехнократические и антисциентистские идеи в течение всего послевоенного периода были широко представлены также в деятельности профессиональных идеологов, социальных критиков, философов и других представителей гуманитарных дисциплин, которые выражали настроения и установки антисциентизма в теоретической, систематической форме.

Внутри гуманитарного знания, испытавшего в нашем столетии значительную дифференциацию, выделяются две тенденции, которые в общем и целом соответствуют линиям сциентизма и антисциентизма.

Первая тенденция, как уже говорилось, представлена позитивистско-функционалистскими направлениями в философии и социологии, операциональными расчетами эффективности в экономической науке, системно-операциональными теориями в учениях об информации, в лингвистике, прикладной логике и т. п.

Вторая тенденция выражается авторами, которые подчеркивают «иррациональность» сущности человека и общества, подвергают критике «энергетический мир технократа», обличают современное «техницистское, технократическое общество», требуют ориентации на высшие гуманистические ценности.

В философии эти идеи и настроения выражают сторонники экзистенциализма, персонализма, неопрейдизма, философского антропологизма. В социальной философии и социологии в послевоенный период оформились так называемые «критические теории

общества», представленные такими известными социологами и философами, как Давид Рисмэн, Райт Миллз, Теодор Адорно, Герберт Маркузе, и др. В них также нашли своеобразное отражение идеи и настроения антисциентизма и антитехнизма.

Разумеется, между настроениями «радикальных» слоев и идеями антисциентистски ориентированных философов, социологов, историков и т. д. нет тождества, ибо академические представители гуманитарного знания работают в его рамках, прежде всего опираясь на профессионально заданные объекты, формы размышления, на традиционно возникшие проблемы и категории. Тем не менее гуманитарные дисциплины не просто дают своеобразные примеры специализированного антисциентистского, антитехнистского мышления, но и способствуют широкому распространению в капиталистическом обществе идей, мнений, настроений, ожиданий, опасений такого рода.

Идеи, ценности, идеалы антитехнистского и антисциентистского сознания и их кризис

При анализе идей, идеалов, принципов антисциентистского сознания приходится сталкиваться с тем, что идеи этого сознания весьма трудно, несмотря на его критические претензии, описать в отличие от технистско-технократического мышления.

Вот почему приходится еще раз напомнить, что многие рассмотренные уже констатации, убеждения, способы интерпретации, свойственные технистскому, технократическому сознанию, внутренне присущи и так называемому антитехнистскому мышлению. Не в меньшей мере, чем технократ, представитель «критического сознания» принимает распространенные сциентистские и технистские иллюзии за реальность и затем рассматривает действительность через призму искажающих стереотипов. Различие между технистско-технократическим и антитехнократическим сознанием порою состоит лишь в различных оценках, в принятии или непринятии реальности, которая воспринята и описана принципиально сходным образом, а также в степени внимания, кото-

рое уделяется человеку, его внутреннему миру, тревожным и болезненным его ощущениям.

Типичная исходная идея антисциентистского, антитехницистского сознания, как правило, содержит в себе два элемента: во-первых, утверждение универсальности и всевластия научного знания, соединенного с техницистскими, «технотронными» структурами, и, во-вторых, эмоциональное осуждение возникшей «сциентистской и технократической цивилизации». Если техницист оценивает единый мир науки, технологии, организации, управления как внутренне разумный, то сознание критика подчеркивает неустойчивое положение человека в этом мире, его обездоленность, «разорванность» и «неаутентичность» его сущности.

Сегодня такую идею легко обнаружить в документах «радикальных ученых», в сознании «новых левых», идеологов студенческого и молодежного движения¹; она широко представлена в современной художественной литературе. Нельзя забывать, что много раньше она была выдвинута и теоретически обоснована в философии, в «критических теориях» общества и оказала определенное влияние на сознание оппозиционных слоев, на литературу и искусство. Для работ Ортеги-и-Гассета, Хайдеггера, Марселя, Мунье, Маркузе одинаково характерна исходная антисциентистская, антитехницистская, в частности антитехнократическая ориентация.

Один из американских авторов, Самюэл Флорман, следующим образом суммирует постулаты антитехницизма (кстати, сам он подвергает критике эту доктрину как исключительно опасную):

техника — это сила, которая ускользнула из-под человеческого контроля, что разрушило нашу жизнь;

¹ «Под технократией,— пишет американский представитель этого движения Т. Розак,—я понимаю социальную форму, в рамках которой индустриальное общество достигает вершины своей организационной интеграции». «Политика, образование, досуг, развлечения, культура как целое, подсознательные стимулы и даже.. протест против самой технократии — все это становится объектом чисто технического контроля и чисто технической манипуляции» (T. Roszak. The Making of a counter — culture, N. I., 1969, p. 5, 7).

техника заставляет человека выполнять работу, которая ведет его к деградации;

техника заставляет человека потреблять такие вещи, которые не являются предметом его желаний;

техника формирует элитарный класс технократов и лишает массы всяких прав;

техника уродует человека, отрывая его от окружающего природного мира;

техника наделяет человека такими средствами, которые разрушают экзистенциальный смысл его личности и его бытия².

Из этого достаточно верного описания видна противоречивость и двойственность антитехницизма и антисциентизма. С одной стороны, в нем фиксируются действительно глубокие противоречия и конфликты, характерные для использования науки и техники в капиталистическом обществе. Особо подчеркиваются пагубные для человеческой личности последствия научно-технического прогресса, осуществляемого в этих общественных условиях. С другой стороны, вина возлагается... на саму технику, превращенную в самостоятельную силу.

Современное общество в работах антитехницистов, антисциентистов именуется «миром, порожденным технологией» и описывается — в полном соответствии с техницистскими стандартами! — как «мир математической калькуляции», чисто технического манипулирования, где человек превращается в «функцию». Отличительная черта и определенная заслуга антисциентистского, антитехницистского сознания — подчеркивание в противовес самоуверенному сциентистскому, техницистскому оптимизму «пустоты», «бессмысленности», страданий человеческой личности, превращенной в простую «функцию». Важный элемент его — мысль о том, что для практических участников технологической и организационной деятельности ни сами его действия, ни развитие всего общества отнюдь не выглядят ясными, простыми, рациональными.

Напротив, подчеркивает Габриель Марсель, жизнь в техницистском обществе вовсе не является рациональной, «прозрачной»,

² См.: Samuel C. Florman. In Praise of Technology in «Harper's Magazin», Nov. 1975, p. 56.

она, скорее, является «темной и полутемной». Технократия мыслит себя сугубо рациональной, между тем ее совершенно неизбежным продуктом являются нигилизм, иррационализм. Подчеркивание иррациональной внутренней сущности современного социального бытия, которая отождествляется — снова по всем стандартам техницистского сознания! — исключительно с иррациональностью технико-организационных структур, приводит некоторых критиков к утопическому выводу, будто общество будущего должно создать принципиально иную, «новую технологию».

Описание личности технократа, эксперта, ученого, выполняющее в антитехницистских работах своеобразную критическую функцию, меньше всего отвечает задаче глубокого, точного, объективного выражения: описание, как уже говорилось, скорее, тяготеет к превращению в гротеск, призванный заклеймить технократа, вызвать к нему недоверие и даже отвращение. Для технократа, говорит Хайдеггер, мир есть «энергия»; все, что не поддается калькуляции и функциональному расчету, для него эфемерно, нереально, бессмысленно. Технократ и ученый-эксперт в таких изображениях предстают как статические фигуры, чьи ориентации тенденциозно и однозначно направлены против гуманистических ценностей и устремлений. Их функциональная деятельность рассматривается лишь как апологетическая по отношению к системе, как враждебная человеку и человечеству. По существу, антисциентистское, антитехницистское сознание в данном случае принимает на веру оптимистическое, самоуверенное самосознание сциентиста и технократа, точнее, его саморекламу, не желая или не умея заглянуть в их противоречивый, расколотый личностный мир.

Другое типичное идеологическое клише антитехницистского сознания, на этот раз более существенно отличающее его от технократизма, может быть охарактеризовано следующим образом. В отличие от технициста, технократа, связывающего прогресс человеческого общества исключительно с усовершенствованием и универсализацией технико-организационных структур, представитель критического сознания весьма пессимистически оценивает положение человека на грядущих этапах научно-технической революции.

Антитехнократы и антисциентисты делятся на две группы. Одни предлагают осознать «неотвратимость» еще более опасного, чем сегодняшняя действительность, «технократического», «технотронного будущего» и развить индивидуальные регулятивы, способствующие самосохранению личности через состояние «внутреннего индивидуального саботажа» («Великого Отказа», по терминологии Г. Маркузе). Другие считают положение не совсем безнадежным и усматривают выход в культивировании, расширении, усилении социального значения и престижа «внетехнологических» областей деятельности (для Хайдеггера — это своеобразная философская метафизика, истолковывающая технологический мир и ставящая его в зависимость от «более глубоких» измерений человеческого бытия; для Ортеги-и-Гассета — это область культуры в широком толковании, где человеческая личность проникается своеобразными внутренними «идеями-верованиями», гарантирующими цельность и осмысленность деятельности; для религиозных персоналистов и экзистенциалистов — это пребывание в состоянии экстазической веры; для «новых левых» — это культивирование «новой чувственности» как глубинной личностной структуры и соответствующей ей «контркультуры»).

Иллюзорность и фетишизм антисциентистского, антитехницистского сознания в данном случае представляются бесспорными. Состояние «технологического мира», с одной стороны, признано трагическим, ему отказано во всякой рациональности; с другой стороны, магическая сила в преобразовании и обуздывании иррациональной, «технократической стихии» приписывается индивидуальному сознанию, занятому внутренней саморефлексией и самовоспитанием, а также сферам его деятельности. Поскольку же духовная деятельность в современных условиях также описывается при помощи терминов стандартизации и «технологизации», выход связывается даже не с общественно-обусловленным духовным производством и тем более не с материальным производством, не с революционно-преобразующей деятельностью трудящихся, но с «героическими» творческими актами «свободных художников», «свободных интеллектуалов».

Идеи антисциентизма и антитехницизма, как уже говорилось,

в теоретическом виде были оформлены в экзистенциалистских, персоналистских, фрейдистских и неопрейдистских концепциях. При всех оттенках различия, которые достаточно подробно исследовались в нашей литературе, осуждение сциентизма и технократии было в этих течениях единодушным; изображение положения человека и культуры в современном обществе было выдержано в мрачных, трагических, пессимистических тонах. Если индивиду и рекомендовалась позиция стоического неприятия или внутреннего сопротивления, то трагизм ситуации этим только усугублялся, ибо комплекс «наука — технология» представлял как самодостаточная, чудовищная, прямо-таки демоническая сила, способная к подавлению или даже использованию себе во благо любого противоборствующего.

Антисциентистская философия предвосхитила осуществившийся в сознании некоторых групп недавний процесс, когда начала осуществляться девальвация ценности научного знания и научного исследования, традиционно весьма высокой. «На протяжении трех столетий,— пишет один из идеологов левого радикализма Поль Гудмэн,— наука и научная технология имели незапятнанную и оправданную репутацию: они считались прекрасным увлекательным занятием, дающим практические выгоды, освобождавшим дух от ошибок суеверия и традиционной веры. В ходе нашего столетия они в конце концов стали общепризнанной системой объяснения и решения проблем. Но вот на протяжении жизни нашего поколения многим, даже очень многим из лучших представителей молодежи, они стали представляться как антигуманные по самой своей сути, абстрактные, регламентированные, идущие рука об руку с властью, как прямо-таки дьявольские силы. Молодые люди говорят, что наука направлена против жизни... она является оружием белой Европы для покорения цветных рас; если принимать во внимание современную научную технологию, то четко видно, что люди, которые мыслят «научно», стали безумными. Вместе с наукой были дискредитированы и другие профессии. Академические «дисциплины» также потеряли кредит»³.

³ The Social Responsibility of the Scientists ed. by M. Brown. N. J., 1971, p. 250.

В меткой зарисовке Поля Гудмэна (кстати, в известной мере сочувствующего настроениям тех, кого он называет «лучшими представителями молодежи») заключается квинтэссенция обращенных непосредственно против науки обвинений антисциентизма. Как видно, реальное недовольство использованием науки и «научной технологии» в капиталистическом обществе перерастает в иррационалистические, антиинтеллектуалистские настроения. Наука, предварительно превращенная по всем канонам сциентизма в некую автономную реальность и «дьявольскую» силу, становится для антисциентистского сознания главной социальной опасностью.

Вопрос о том, откуда происходят реальные опасности и чем вызываются болезненные ощущения, ассоциируемые с развитием науки и техники, довольно редко исследуется и обсуждается представителями антисциентистского, антитехницистского направления. И для этого есть свои причины. Ведь антитехнизм и антисциентизм представлены, во-первых, в виде спонтанных умонастроений оппозиционных, критически ориентированных слоев капиталистического общества, а такое сознание редко бывает в состоянии выявлять истоки, первопричины социального явления, вызывающего его активное недовольство. Во-вторых, антисциентизм в его теоретическом выражении представлен специфическими формами философских размышлений — учениями, где он включен в общую канву сложнейших абстрактных, порою весьма туманных и мистических концепций.

Так, у экзистенциалиста Хайдеггера формулирование антисциентистской модели и осуждение «мира технократа» вплетено в контекст «онтологии» — абстрактного учения о категориях бытия, которое неисторически толкует технократизм как некоторую всеобщую «бытийную», метафизическую определенность. Социальный подход, конкретно-исторический, социологический анализ зафиксированных форм действительности и проявлений сознания совершенно несвойствен философским учениям экзистенциалистского и персоналистского типа.

Другие выразители антисциентистских идей вместо выяснения объективных социальных причин охватившего их недовольства ссылались на «человеческую природу», на подсознательное и т. д.,

считая их как бы первоисточниками и основными носителями всех бедствий современного научно-технического развития. В этих случаях тон критиков «современного общества» становится особенно мрачным и фаталистическим. Вот характерный пример — часто цитируемые слова известного критика техницизма Луиса Мамфорда: «Современный человек... сегодня подошел к последнему акту своей трагедии, и я не могу, даже если бы и хотел, скрыть, что она окончательна и ужасна. Мы являемся свидетелями объединения, интимного партнерства автоматизации и «Id» («оно») — того «Id», которое поднимается из нижних глубин подсознания, и такой автоматизации, машиноподобного мыслителя и человекоподобной машины, которые полностью отторгнуты от человеческой жизни и поддерживают функции и человеческие реакции, далеко отстоящие от высот сознательной мысли. Когда первая из названных сил освободилась от целостной личности, обнаружилось, что она куда более жестока, чем самые дикие из зверей. А вторая сила, столь безразличная к человеческим эмоциям, человеческим волнениям и человеческим целям, столь приспособленная к тому, чтобы отвечать только на то ограниченное количество вопросов, к которым были первоначально приспособлены ее аппараты, — она не обладает мудрым разумом, чтобы повернуть вспять свой непобедимый механизм, хотя он угрожает самой судьбе науки и цивилизации»⁴. Это Мамфорд в свое время назвал машины и соответственно воплощенные в них знания «антисоциальными». Современные критики техники и науки довольно часто повторяют его формулировки.

Антисциентизм и антитехнизм порою связаны и с определенными попытками социального рассмотрения, когда комплекс «наука — техника» связывается с отношениями власти, с политикой государств, с экономическими проблемами. Но даже в пределах такого анализа мысль об автономности, всемогуществе, даже «демонизме» науки и техники так или иначе сохраняется.

Любопытный пример этого рода дает оказавшая немалое влияние на западную интеллигенцию концепция Жака Эллюля, сформулированная им в книге «Техническое общество». Отправной пункт рассуждений Эллюля — уже известное определение

⁴ The Social Responsibility of the Scientists, p. 267.

понятия техники: оно обозначает не только машинную технику и технологию в узком смысле, но «совокупность общих методов рационального достижения и сохранения абсолютной эффективности, возможной для данной стадии развития в любой сфере человеческой деятельности»⁵. Машины образуют, в толковании Эллюля, лишь часть «техники», «наиболее очевидную, массивную, впечатляющую», притом исторически первую. А сегодня они даже составляют меньшую долю технических средств. Большая часть — это знания, суждения, действия, объединяющие экономическую технику, технику организации и «человеческую технику», — все способы воздействия на человека, начиная от медицины и кончая пропагандой. Такие же определения техники, технологии даются в типичных документах массового и профессионально-идеологического техницистского сознания.

В отличие от распространенного взгляда, согласно которому современная техника как бы является следствием и функцией научных открытий, в концепции Эллюля наука подчинена технике, является очень важной интегральной частью и своего рода воплощением, олицетворением «техники» в ее широком, современном смысле. Он разъясняет, что часто употребляет понятие «техника» вместо распространенного у других авторов слова «наука», имея в виду теснейшее единство науки и техники, их сплавленность в единый комплекс. Анализируя феномен «техники», Эллюль как будто бы включает в рассмотрение экономические и политические проблемы, анализирует роль государства, уделяет специальное внимание революционным движениям. В антисциентистских и анти-техницистских концепциях, подобной взгляду Л. Мамфорда, Эллюль не удовлетворяет то, что машины сами по себе как бы превращаются в действующих лиц.

Эллюль возражает против толкования капитализма у Мамфорда, которое он суммирует в следующих словах: «Бесполезно обвинять капитализм. Не капитализм создал наш мир, его создали машины»⁶. Роль, которую Мамфорд отводит машине, не дала выполнять, как полагает Эллюль, «техника». «Техника имеет в своей

⁵ Jacques Ellul. The Technological Society. N. J., 1964, p. XXX.

⁶ Ibidem, p. 5.

природе достаточно механического, чтобы есправиться с машиной, но она превосходит машину и выходит за ее пределы, ибо остается в тесной связи с человеческим порядком. И металлический монстр не придет, чтобы навсегда искоренить человечество. В технике он находит правило столь же твердое и неизбежное, что и он сам»⁷.

Мысль о том, что машина сама по себе не работает и что ее создает и приводит в действие человек с помощью знаний, навыков, правил (их Эллюль и называет «техникой»), столь же верна, сколь и банальна. Но не в ней суть концепции Эллюля. Отвергая примитивные формы «машинного» техницизма и «механического», «физического», «химического» сциентизма, Эллюль приписывает самостоятельную, чудовищную, демоническую силу особым формам знания и связанным с ними типам действия. Если другие сторонники антисциентизма и антитехницизма фетишизируют науку или технику в целом или комплекс «наука — техника», то у Эллюля фетишами становятся выделенные из этого целостного комплекса более или менее абстрактные, выраженные в нормативной, регулятивной форме знания и навыки, тесно связанные с научно-технологической, экономической, организационно-управленческой деятельностью. Очень важно отметить то, что современный технократизм и сциентизм приписывают решающее значение именно знаниям и действиям такого типа. Но сциентист-техницист рассматривает эти знания как преимущество и благо, тогда как Эллюль в соответствии с ценностно-эмоциональными оттенками антисциентизма склонен видеть в господстве «техники» непреодолимую злую судьбу западной цивилизации, роковую силу, подчиняющую и уродующую человека.

Техника интегрирует все. Это общее утверждение Эллюль конкретизирует следующим образом: «Если мы посмотрим на наше техническое общество без наших идеалистических очков, то наиболее тревожным представится следующее: характер техники делает ее независимой от самого человека. Мы этим не хотим сказать, что машины имеют тенденцию замещать человеческое

⁷ Jacques Ellul. The Technological Society, p. 5.

существо; этот факт уже хорошо известен. Важно то, что человек практически уже не располагает средствами действительного влияния на технику. Он не может ни ограничить ее, ни придать ей направленность. Я хорошо знаком с требованиями тех, кто думает, что общество твердо контролирует технику, ибо человек изобретает ее вновь и вновь... Но эти требования и надежды — только слова»⁸.

Подлинные революционные преобразования в «техническом обществе» в силу этого невозможны, утверждает Эллиуль. Сегодня все попытки протеста обречены на то, чтобы обратиться в бунт, легко преодолеваемый при помощи соответствующей «техники», — такова основная идея, развиваемая Ж. Эллиулем в ряде его последних книг («Аутопсия революции» и «От революции к бунтам»).

Что же ожидает человека в будущем, если «техника» вышла из-под контроля человека? Еще более страшное и безраздельное ее господство, полагает Эллиуль. «Когда сфера инстинктов и духа будет окончательно интегрирована при помощи человеческой техники, здание технического общества будет завершено. Это не будет всеобщий концентрационный лагерь, ибо в нем не станет жестокости. Оно не будет казаться безумным, ибо все подчинится порядку, и пятна человеческих страстей потеряются среди хромированного блеска. Нам нечего будет больше терять и нечего приобретать. Наши глубочайшие инстинкты и самые сокровенные страсти станут объектами анализа, публикации и эксплуатации. И высшей роскошью общества технической необходимости будет то, что в качестве дара в нем разрешат бесполезный бунт и покорную улыбку»⁹. Саркастическое, мрачное пророчество Эллиуля вызывает в памяти хорошо известные читателю утопические изображения «технотронных цивилизаций» будущего — утопии, которые в последние десятилетия создавались и приверженцами «индустриального общества», и глубоко обеспокоенными критиками технократизма и сциентизма.

«Бравый новый мир», где среди равнодушного технического

⁸ Jacques Ellul. The Technological Society, p. 326.

⁹ Ibidem, p. 426—427.

блеска «полностью осуществленной рациональности» и высочайших достижений науки не останется места для человеческой личности, ее страстей и надежд — этот хорошо знакомый нам из западной литературы образ будущего типичен для духовной атмосферы послевоенного времени.

События последних лет способствовали более широкому распространению антисциентизма, его идей и настроений. Критический пафос антисциентизма, его внешняя гуманистическая направленность — все это импонировало группам и слоям, которые активно выразили свое несогласие с господствующими в индустриально развитых капиталистических странах формами стимулирования и использования научно-технических достижений.

Однако следует иметь в виду, что радикальное движение конца 60-х годов, сознательно ориентированное против «практического» технократизма, сциентизма и его идеологии, вместе с тем способствовало развенчанию иллюзий и дискредитации антисциентизма. Точнее говоря, эффект практического испытания идей антисциентизма был двойственным. В отличие от сциентизма и технократизма, антисциентизм и антитехнократизм, взятые на вооружение многими представителями движения протеста, ни в коей мере не представляли собой идеологию, призывающую к практической деятельности, к реальному преобразованию общества.

Но оппозиционным группам в конце 60-х годов, в частности, молодежи и студентам, пришлось включиться в практическое действие, в политическую борьбу. На стихийный бунт обрушилась мощная, организованная репрессивная сила капиталистического государства. Поражение оппозиционных групп в борьбе с ним, с одной стороны, способствовало «отрезвлению» движения, его самокритике и, в частности, признанию того, что идейно-теоретическая подготовка была чрезвычайно слабой. Среди вопросов, требующих глубокого уяснения и анализа, а не одной только ценностной, эмоциональной реакции, сегодня все чаще называют проблему науки и техники. Аргументация такова: развитие науки и техники — неодолимая тенденция, и «Великий Отказ» на деле означает пассивное подчинение самым губительным следствиям капиталистического применения их достижений.

Некоторые сдвиги в антитехнистском и антисциентистском сознании произошли не только под влиянием движения протеста 60-х годов, но также потому, что более явно обнаружилось противоречия научно-технического прогресса в условиях капитализма. Немалую роль в перестройке антитехнистского сознания играет то, что оно с течением времени более определенно обнаружило свою внутреннюю зависимость от стереотипов техницизма, в частности технократизма, и в то же время неумение подвергнуть анализу, теоретически осмыслить сложную, противоречивую, многомерную реальность общества, переживающего научно-техническую революцию. Поэтому в рамках антисциентистского и антитехнистского сознания и мышления возникает тенденция критического отношения к экзистенциалистским, философско-антропологическим, маркузианским идеям. Нередко можно встретить призывы к более точному и реалистичному описанию, осмыслению действительных социальных проблем, некоторые из идеологических концепций антисциентистского типа заметно эволюционируют в направлении «социалистического реализма».

Однако, с другой стороны, поражение практического выступления оппозиционных сил способствовало закреплению несколько видоизмененного антисциентизма с его утопическим подходом и типичными для него иллюзиями. Нагнетание страха перед мрачной, понимаемой в духе Эллюля «технической цивилизацией» — столь же характерное следствие событий последних лет, как и «отрезвление», освобождение от некоторых иллюзий.

К числу видоизменений антисциентистского, антитехнократического сознания принадлежат такие его формы, где приемы фетишистско-утопического видения причудливо и противоречиво «сосуществуют» с оправданными попытками выявить связь проблем развития науки и техники с системой капитализма. «Носителями» такого сознания являются радикально настроенные ученые, и некоторые из них за поисками теоретического объяснения все чаще обращаются к работам Маркса. Вместе с тем они не всегда освобождаются от господствующих в их обществе идеологических и политических стереотипов, в частности, от некоторых иллюзий сциентистского или антисциентистского подходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Источник внутреннего родства сциентизма и антисциентизма — зависимость этих, по видимости, противоположных форм сознания от отношений капиталистического общества. Не только апологетический сциентизм — техницизм, но и антисциентизм в конечном счете остаются в рамках буржуазного сознания. Это не следует, конечно, понимать в том смысле, будто субъективно по намерениям, целям, надеждам и по положению в обществе «носители» сознания обоих типов обязательно принадлежат к буржуазному классу. Речь идет об объективной, не зависящей от воли определенных людей обусловленности форм их сознания, конечной зависимости как от данных социальных отношений, так и от свойственных господствующему классу «рамок» мышления и восприятия.

В марксовых «Экономических рукописях 1857—1859 годов» есть очень важное рассуждение, касающееся внутреннего родства буржуазной апологетики отчуждения, с одной стороны, и, с другой — того отчужденного отношения к науке, которое Маркс характеризует как «романтический буржуазный взгляд». В основе этого рассуждения важная для нас проблема объективных социальных связей, т. е. исторически определенных общественных отношений, поскольку они реально детерминируют жизнедеятельность и сознание индивида, и в какой-то мере осознаются, переживаются им. Вначале Маркс констатирует факт универсального и напряженного развития в рамках капиталистического производства связи отдельного лица со всеми, а также подчеркивает «...**независимость этой связи от самих отдельных лиц...**»¹. Затем он переходит к оценке данного факта с точки зрения положения индивидов в обществе с такого рода отчужденными связями. Маркс отвергает апологетический буржуазный взгляд, согласно которому безличные вещные связи капиталистического общества являются чем-то, что якобы возникает «естественно» и что «неотделимо от природы индивидуальности».

Таким образом, Маркс вскрывает антиисторизм буржуазной апологетики, усматривающей «красоту» и «величие» в господстве

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 104.

«рациональных», безличных и безразличных по отношению к индивиду, отчужденных общественных отношений, которые покоятся на материально-вещных связях капиталистической и социально-экономической системы. (Не так ли, в сущности, рассуждают сегодняшние адепты сциентизма?) Конечно, говорит Маркс, такую связь нельзя не предпочесть отсутствию развитых общественных связей и взаимодействий. Несомненно, продолжает он, что подчинение общественных отношений сознательному контролю индивидов не может произойти раньше, чем эти разветвленные объективные связи станут постоянным фактом социальной жизни. Но это лишь доказывает, что данные отношения являются историческим продуктом. «Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к индивидам, доказывают лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, управляясь от этих условий. Это — связь, стихийная связь индивидов внутри определенных, ограниченных производственных отношений»², т. е. отношений капиталистического общества.

Но именно потому, что безлично-отчужденные общественные отношения (в их числе отношения общества в связи с наукой и внутри науки как социального института) являются определенным историческим продуктом, должна быть отвергнута, согласно Марксу, и другая идейная позиция, на первый взгляд противоположная апологетической. Речь идет о «романтическом» отрицании капиталистического отчуждения на основе одной лишь ностальгии по «утраченным временам», когда-де индивиду была присуща «полнота», «цельность», «нерасколотость». Реакционность романтического взгляда, как показывает Маркс, заключается в том, что его защитники совершенно сбрасывают со счетов историческое значение уже достигнутой общественным развитием универсализации социальных связей: капиталистическое производство, создавая объективно-безличные вещные связи и насильственно включая в них индивида, тем самым способствовало и способствует созданию всеобщности и всесторонности его отношений и способностей³.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 105.

³ См. там же.

Романтическая позиция, несмотря на ее мнимоабсолютную негативность по отношению к капитализму, целиком остается в пределах буржуазного миропонимания. Нелепо верить в «естественность» и «имманентность» по отношению к индивиду отчужденно-безличных, вещных по своему характеру буржуазных отношений. Но столь же реакционно ограничиваться историческим отрицанием капитализма, противопоставляя ему не перспективу будущего преобразования буржуазных отношений, но романтически-утопическую тоску по «утраченной полноте» индивидуальности, которая к тому же в истории еще никогда не существовала. Согласно логике марксовой мысли, романтический взгляд, сколь бы негативной и «радикальной» ни была придаваемая ему форма, по своей сути и по его реальным следствиям направлен на утверждение и сохранение буржуазных отношений.

Вот почему противоположность апологетической и негативно-романтической позиций целиком остается в пределах буржуазного воззрения. «Выше противоположности по отношению к этому романтическому взгляду буржуазный взгляд никогда не поднялся, и потому этот романтический взгляд, как правомерная противоположность, будет сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины», — говорит Маркс, и его мысль четко подтверждается историей развития идей в буржуазной мысли XX столетия. Она остается актуальной и в наши дни. Высказав эту мысль, Маркс делает замечание, очень важное для нашей темы: «В качестве примера здесь можно взять отношение отдельного лица к науке»⁴. В самом деле, глубоко вскрытая Марксом объективная зависимость находит проявление в изначальной внутренней взаимозависимости буржуазно-апологетического, сциентистско-технологического и леворадикального, «романтического» осмысления отношения индивида к науке, развивающейся в условиях капиталистического общества.

Буржуазно-апологетический взгляд, как мы видели, фетишизирует безличные, отчужденные отношения капиталистического общества, в том числе сегодня, «императивы» технологии, науки,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 105—106.

организации. По сути дела, они предстают как некая неисторическая норма взаимодействий науки и общества, науки и индивида. Независимо от того, существует ли такой взгляд в рамках стихийного сознания индивида или находит проявление в теоретических выкладках идеологов, его суть одна: капиталистическому обществу с его принципами развития науки не противопоставляется альтернатива, за которую индивиду целесообразно было бы бороться. И тогда ему ничего не остается, как стать «приспособленным человеком», принимающим тенденции развития науки в этом обществе либо как безусловное благо, либо как неизбежное зло. Такова классовая сущность апологетического сознания.

Но что предлагает и на что ориентирует «романтический», «радикальный» антисциентизм и антитехнократизм? Самое «радикальное», что он рекомендует,— «Великий Отказ», гневный обвинительный акт, где вместо отыскания глубоких источников «техницистских», «технократических» зол и преступлений вина просто возлагается на саму науку, на машину, на знания и «технику» в широком смысле. Итак, обвинительный акт клеймит не социальную систему, не классовое господство, не отношения собственности и власти, но вещи, а также интеллектуальные средства господства; он клеймит научное знание и тех, кто его добывает. И если центром борьбы, а то и ее единственной формой провозглашается переустройство внутреннего мира собственной личности, воспитание «новой чувственности», не значит ли это, что техницизму, сциентизму, репрессивному капиталистическому государству как бы вверяется в безраздельное господство общественная реальность?

Внутреннее родство апологетического и романтического подходов подтверждается также отсутствием в их пределах реальной исторической альтернативы по отношению к капиталистическим принципам развития и использования науки. В этом смысле их противоположность в принципиальном смысле является иллюзорной, хотя, разумеется, при выработке практически-политического отношения марксистов к апологическому и радикальному сознанию необходимо учитывать как все оттенки различий между ними, так и дифференциацию внутри каждого из типов.

Сделаем общие выводы из рассмотрения сциентистско-техни-
цистского и антитехницистского сознания.

1. Обе рассмотренные позиции, несмотря на остроту и известную драматичность их борьбы, объединены тем, что они опираются на сходные в принципе мыслительные стереотипы, что они фетишизируют роль науки и техники в современном обществе, отрывают их от отношений собственности и власти. Это позволяет квалифицировать сциентизм и антисциентизм как две формы сознания, не освободившиеся от власти принципов буржуазного мышления, а в случае, если они приобретают объективированное идеологическое выражение,— как две формы буржуазной идеологии. В этом заключается классовое содержание рассмотренных форм сознания.

2. Сциентизм и антисциентизм, как мы пытались показать,— это не только идеи, ценности, идеалы, но и определенные умонастроения, оказывающие влияние на практическую деятельность. Они влияют на то, как определенные группы и слои участвуют в социально-экономической и политической жизни капиталистических стран. Значит, они оказывали и будут оказывать немалое влияние на общую картину общественной, политической, идеологической борьбы в развитых капиталистических странах.

3. Вот почему анализируя общий классовый смысл сциентизма и антисциентизма, необходимо особое внимание уделять дифференцированному анализу тех социальных групп и слоев, которые являются носителями и выразителями разнообразных идей и оттенков этого сознания. Такой анализ имеет не только теоретическое, но и практически-политическое значение. Точное понимание того, какие именно группы и слои и в какой мере разделяют сциентистские и антисциентистские иллюзии, чрезвычайно важно для коммунистических и рабочих партий капиталистических стран. Ибо такое знание помогает выработать правильную и дифференцированную ориентацию по отношению к этим слоям, особо учитывая и используя настроения критицизма и недовольства, связанные с осуществлением научно-технического прогресса в капиталистическом обществе.

Важнейшее значение имеет анализ динамики рассматриваемых типов сознания, учет и объяснение их эволюции, в особенности происшедших в последние годы и происходящих у нас на глазах изменений. В общем и целом социально-политическое значение рассмотренных выше изменений сциентизма и антисциентизма таково, что в рамках обоих типов буржуазного сознания обострились противоречия, усилились внутренняя амбивалентность и расколотость. А это, в свою очередь, говорит не только об усложнении общей картины идеологической борьбы в странах развитого капитализма, но о появлении новых объективных возможностей для усиления влияния марксистско-ленинской идеологии, для успешной пропаганды идей мира и социализма.

4. Проблема науки — одна из очень важных социальных проблем современности. Она не оторвана от других социальных проблем капиталистического общества. Практически и теоретически она не может быть решена, если техника и наука истолковываются как самодовлеющие, «демонические» силы. Борьба сциентизма и антисциентизма, ее исторический опыт и первые итоги убеждают вчерашних сторонников данных концепций, что требуется «выход» за пределы самой дилеммы, что необходим иной тип объяснения, принципиально отличающийся от фетишистско-иллюзорного способа мышления. Осознавая это, некоторые представители научно-технической интеллигенции проявляют большой интерес к марксизму, справедливо усматривая в нем научный подход к объяснению кардинальных проблем современности, включая и проблему науки. Однако нельзя забывать, что немалая часть западной научно-технической интеллигенции еще продолжает мыслить в духе сциентистских или антисциентистских стереотипов. Это означает, что в ближайшем будущем мы, скорее всего, будем свидетелями развенчивания одних иллюзий и фетишей рассмотренных типов сознания и замены их другими. Следовательно, сциентизм и антисциентизм, их борьба и их противоположность по отношению к марксизму — вопрос не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. И если оба типа сознания еще будут сохранять свое социально-политическое значение, то несомненная важность и актуальность их анализа, исследования их эволюции.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-технический прогресс и борьба идей в современном капиталистическом обществе	5.
Социальные корни, формы и противоречия техницистско-сциентистского сознания	10.
Социальная типология носителей техницистско-сциентистского сознания и основные формы его выражения	10
Идеи, ценности, идеалы техницистско-сциентистского сознания и их кризис	20.
Социальные корни, формы и противоречия анти-техницистского и антисциентистского сознания	32.
Социальная типология носителей анти-техницистского и антисциентистского сознания и основные формы его выражения	38.
Идеи, ценности, идеалы антитехницистского и антисциентистского сознания и их кризис	43
Заключение	56.

Юрий Александрович ЗАМОШКИН

**ОТНОШЕНИЕ К НАУКЕ И ТЕХНИКЕ
В СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(Опыт социальной типологии)**

Редактор В. И. Дмитриев
Худож. редактор Т. И. Добровольнова
Техн. редакторы Т. Ф. Айдарханова,
Ф. И. Ривилис
Корректор С. П. Каченко

А 03312. Индекс заказа 61010. Сдано в набор 9/VII 1976 г. Подписано к печати 31/VIII 1976 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 3,38. Тираж 47 700 экз. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 1238. Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 11 коп.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1977 году издательство «Знание» продолжит выпуск брошюр серии «ЭТИКА»:

Задача серии — содействовать этическому просвещению, нравственному воспитанию людей, огромное значение которого было подчеркнуто на XXV съезде КПСС, помочь читателям глубже понять сложный мир нравственных явлений, проблемы этики как науки.

БРОШЮРЫ РАССКАЖУТ о формировании, утверждении и развитии новой морали, о роли труда, трудового коллектива в нравственном совершенствовании личности, о воспитательном влиянии социалистического соревнования и моральном сознании человека, о моральной ответственности ученых и нравственном самовоспитании, о семейных проблемах развития личности и героических делах.

Теоретические проблемы этики рассматриваются в тесной связи с моральной практикой.

Значительное внимание уделяется критике буржуазных этических концепций.

Серия брошюр может быть рекомендована ЛЕКТОРАМ, ПРОПАГАНДИСТАМ, ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ, СТУДЕНТАМ, адресуется она также и к массовому читателю.

Подписная цена на год — 1 руб. 32 коп. Индекс серии в каталоге «СОЮЗПЕЧАТИ» — 70103.

11 коп.

Индекс 70065